

Рюальд Далъ Чудесная история Генри Шугара

Генри Шугару исполнился сорок один год. Он был богат и неженат. Богат он был благодаря ныне покойному отцу, а холост — из эгоизма: он не хотел делиться своими деньгами с какой-то там женой.

Ростом он был метр восемьдесят восемь, но выглядел далеко не так привлекательно, как ему самому это казалось.

Он уделял очень большое внимание своей одежде. Костюмы шил у дорогих портных, рубашки — тоже, даже обувь у него была сделана на заказ.

Лицо после бритья он орошал дорогим одеколоном, а чтобы кожа на ладонях всегда была нежной, втирал в нее крем на черепаховом масле.

Каждые десять дней он ходил в парикмахерскую подравнивать волосы и делать маникюр.

В огромную сумму обошлось ему новое покрытие передних зубов, чтобы избавиться от раздражавшего желтоватого оттенка. Крошечную родинку на левой щеке удалил хирург, специалист по пластическим операциям.

Ездил он на «Феррари», который обошелся ему почти в столько же, сколько стоил его загородный коттедж.

Летом он жил в Лондоне, но как только в октябре начинались первые заморозки, отправлялся в Вест-Индию или на юг Франции, где проводил время с друзьями. У всех его друзей было много денег, полученных в наследство.

Генри не работал ни единого дня в жизни, а его личный девиз, придуманный им самим, гласил: «Лучше маленькое безделье, чем большая работа». Друзьям это казалось необычайно остроумным.

Люди наподобие Генри Шугара могут оказаться где угодно, они, как трава, везде есть. Особенно заметны они бывают в Лондоне, Нью-Йорке, Париже, Нассау, Монтего-Бей, Каннах и Сен-Тропезе. Они не совсем уж плохие люди. Но и не очень хорошие. Они никакие, и на самом деле ничего они не значат. Просто часть обстановки. Интерьер.

У всех богатых людей этого типа есть одна общая особенность: они ужасно хотели бы разбогатеть еще больше. Миллиона никогда не хватает. И двух миллионов тоже. Всегда они страдают этой ненасытной алчностью, этим желанием заполучить еще больше денег. И живут они в

вечном страхе, что проснутся однажды утром и обнаружат: в банке ничего не осталось.

Пробуя увеличить свои состояния, все эти люди пользуются одними и теми же способами. Они играют на бирже, скупают акции и следят за курсом: поднимается он или падает. Они — завсегда и казино, играют в карты, рулетку и на тотализаторе. Они заключают пари и готовы биться об заклад о чем угодно и на что угодно. Генри Шугар однажды отхватил тысячу фунтов стерлингов на черепаших бегах, которые были устроены на теннисном корте лорда Ливерпуля. И он рисковал суммой вдвое большей, когда бился об заклад с человеком по имени Эзмонд Ханбури по ходу крайне глупого спора, суть которого состояла в следующем: они выпустили собаку Генри в сад и следили за ней в окно. Но прежде чем выпустить пса, оба спорщика должны были заранее угадать, на что животное задерет лапу. На стену, столб, куст или дерево? Эзмонд выбрал стену. Генри, специально ради такого случая изучавший повадки своей собаки, выбрал дерево и выиграл пари.

С помощью таких дурацких развлечений Генри и его друзья борются со смертной скукой своей праздной и богатой жизни.

Сам Генри, как вы должно быть заметили, был не прочь, если подворачивался случай, слегка надуть своих друзей. Спор о собаке явно нельзя назвать честным. Как и спор на черепаших бегах. Генри подстроил итог, за час до начала состязаний тайком затолкав в рот той черепахи, на которую ставил его противник, растертую в порошок таблетку снотворного.

А теперь, когда вы в общих чертах поняли, что из себя представляет Генри Шугар, я могу начать историю.

Как-то летом в выходной день Генри Шугар ехал на автомобиле из Лондона в Гилфорд в гости к сэру Уильяму Уиндему. У того был великолепный дом, окруженный обширными угодьями, но Генри не повезло с погодой — шел дождь. Теннис отпадал, крокет и купание в открытом бассейне тоже. Хозяин и его гости уныло сидели в гостиной, глядя на капли дождя, стекающие по стеклам. Очень богатые люди невероятно обижаются на дурную погоду. Это единственное неудобство, с которым их деньги ничего не могут поделать. Кто-то из присутствующих предложил: — Давайте сыграем в канасту по самым высоким ставкам.

Идея всем прилась по вкусу, но поскольку гостей было пятеро, кому-то предстояло оказаться вне игры, лишним. Вытащили по одной карте из колоды. Генри досталась самая младшая, несчастливая двойка.

Остальные четверо сели играть. Генри надоело оставаться безучастным наблюдателем, и он вышел из гостиной в большой зал. Там он ненадолго задержался у картин, затем прогулялся по всему дому, скучая до смерти от того, что ему совсем нечего делать. Наконец забрел в библиотеку.

Отец сэра Уильяма славился своей библиотекой, и все четыре стены этого просторного помещения были заставлены от пола до потолка книгами. Но на Генри Шугара они не произвели никакого впечатления. Он даже не заинтересовался: читал он только детективные романы и триллеры. Он бесцельно послонялся по помещению, пытаясь отыскать хоть какую-нибудь книжку себе по вкусу. Но в библиотеке сэра Уильяма стояли лишь внушительные тома в кожаных переплетах с именами Бальзака, Ибсена, Вольтера, Джонсона и Толстого на корешках. Жуткая мать, сказал себе Генри. И уже собрался было уйти, как вдруг ему на глаза попалась непохожая на другие книга. Она была такая тоненькая, и если бы не торчала слегка из ровного ряда книг, он бы ее даже не заметил. Когда он снял ее с полки, то оказалось, что это всего лишь школьная тетрадь в картонной обложке. Обложка была темно-синей и без надписей. Генри открыл тетрадь. На первой странице печатными буквами было написано:

ИМПРАТ ХАН,

***ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ МОЖЕТ ВИДЕТЬ С ЗАКРЫТЫМИ
ГЛАЗАМИ***

Беседу с Импрат Ханом записал доктор Джон Ф. Картрайт.

Бомбей, Индия, декабрь 1934.

Занятно, подумал Генри, и перевернул страницу. Вся тетрадь была исписана черными чернилами, аккуратным четким почерком. Первые две страницы Генри прочел стоя. И вдруг понял, что ему хочется читать дальше. Увлекательная оказалась история. Он поудобнее устроился в кожаном кресле у окна и начал читать с самого начала.

Вот что прочел Генри в синей тетрадке:

«Я, Джон Картрайт, хирург Центральной больницы Бомбея, утром второго декабря 1934 года находился в комнате отдыха врачей и пил чай в компании трех своих коллег — доктора Маршалла, доктора Филлипса и доктора Макфарлина. В дверь постучали.

— Войдите, — сказал я.

Дверь отворилась, и вошел индус.

— Простите великодушно. Могу я попросить вас об одолжении, господа? — улыбнулся он.

Комната отдыха врачей принадлежит только врачам, и это правило строго соблюдается. Никому, кроме врачей, не разрешается входить в нее, разве что в чрезвычайных обстоятельствах.

— Сюда нельзя, — резко сказал доктор Макфарлин.

— Да, да, — отвечал индус. — Я знаю и очень прошу простить меня за вторжение, но я хотел бы показать вам кое-что интересное, господа.

Мы все настолько устали, что никто ему ничего не ответил.

— Господа, — продолжал он, — я могу видеть с закрытыми глазами.

Мы все еще не приглашали его войти. Но и не прогоняли.

— Можете завязать мне глаза, — предложил он. — Можете наложить мне на голову полсотни бинтов, и я все равно смогу прочесть вам книгу.

Говорил он, как будто, вполне серьезно. Во мне шевельнулось любопытство.

— Идите сюда, — позвал я.

Он подошел.

— Повернитесь.

Он повернулся спиной.

Я плотно прижал руки к его глазам, придерживая пальцами веки.

— А теперь, — сказал я, — один из врачей, присутствующих в этой комнате, будет загибать и разгибать пальцы на руке. А вы скажете, сколько пальцев он показывает.

Доктор Маршалл поднял семь пальцев.

— Семь, — сказал индус.

— Еще раз, — скомандовал я.

Доктор Маршалл сжал кулаки и спрятал в них все свои пальцы.

— Ни одного пальца, — сказал индус.

Я убрал ладони с его глаз.

— Неплохо, — сказал я.

— Подождите, — сказал доктор Маршалл, — Давайте попробуем вот это.

На крючке висел белый медицинский халат. Доктор Маршалл снял его и скрутил так, что получилось что-то наподобие длинного шарфа. Потом он обмотал этим шарфом голову индуса и крепко связал концы на затылке.

— Теперь попробуем вот так.

Я вынул ключ из кармана.

— Что это? — спросил я.

— Ключ, — отвечал он.

Я убрал ключ и поднял пустую ладонь.

— А это что за предмет?

— Нет никакого предмета, — сказал индус, — Ваша рука — пуста.

Доктор Маршалл снял повязку с глаз гостя.

— Как вам это удается? — поинтересовался он. — В чем хитрость?

— Никакой хитрости, — покачал головой индус. — Это настоящее искусство, которому я научился благодаря многолетним упражнениям.

— Что за упражнения? — спросил я.

— Прошу прощения, сэр, — ответил он. — Но это тайна.

— А зачем тогда вы пришли? — удивился я.

— Попросить вас об одолжении.

Индус был высоким мужчиной лет тридцати со светло-коричневой кожей цвета кокосового ореха и маленькими черными усиками, в ушах тоже росли волосы. Одет он был в белый хлопчатобумажный балахон и сандалии на босу ногу.

— Видите ли, господа, — продолжал он, — в настоящее время я зарабатываю на жизнь выступлениями в бродячем цирке, и мы только что прибыли сюда, в Бомбей. Вечером у нас первое представление.

— Где вы выступаете? — спросил я.

— В зале „Ройял-Палас“, — ответил он. — На улице Акаций. У меня главный номер в программе. В афише я объявлен как „Имрат Хан, человек, который видит с закрытыми глазами“. Я должен сделать громкую

рекламу нашему шоу. Если мы не распродадим билеты, останемся голодными.

— Ну а мы здесь при чем? — спросил я его.

— Вас это заинтересует, — заверил он. — Будет очень весело. Позвольте, я объясню. Каждый раз, когда наш цирк приезжает в новый город, я сразу иду в самую крупную больницу и прошу врачей забинтовать мне глаза, причём самым изощренным образом. Они должны наложить множество тугих повязок так, чтобы я ничего не мог видеть. Очень важно, чтобы это сделали именно врачи, иначе меня могут счесть обманщиком. Потом я выхожу на улицу с забинтованными глазами и делаю что-нибудь очень опасное.

— Что вы имеете в виду? — не понял я.

— Я делаю нечто крайне опасное для слепого человека.

— И что же вы делаете? — спросил я.

— Нечто очень интересное, — ответил он. — Вы сами увидите, если потратите немного времени и забинтуете мне голову. Вы окажете мне огромную услугу, господа, если сделаете для меня эту мелочь.

Я взглянул на остальных троих врачей. Доктор Филлипс сказал, что должен вернуться к своим больным. Доктор Макферлин сказал то же самое.

— Почему бы и нет? — пожал плечами доктор Маршалл. — Может, и правда увидим нечто занятное. Да и времени много не займет — за минуту управимся.

— Я с вами, — сказал я. — Только давайте сделаем все как следует. Чтобы он наверняка ничего не видел.

— Вы очень добры, — поклонился индус. — Прошу вас, поступайте, как вам угодно.

Доктор Филлипс и доктор Макферлин вышли из комнаты.

— Прежде чем накладывать повязку, — сказал я доктору Маршаллу, — давайте для начала склеим ему веки. А потом заполним глазницы чем-нибудь мягким, плотным и липким.

— Чем, например? — спросил доктор Маршалл.

— Что если тестом?

— Отличная идея, — согласился доктор Маршалл.

— Сделаем так, — предложил я. — Вы сходите в больничную пекарню за тестом, а я тем временем отведу его в операционную и заклею веки.

Мы с индусом вышли из комнаты отдыха, и я отвел его по длинному больничному коридору в операционную.

— Ложитесь, — указал я на высокую кровать.

Он повиновался. Я достал из шкафа пузырек с пипеткой на конце.

— В этом пузырьке коллодий, — пояснил я. — Он прочно г склеит ваши веки, и вы не сможете открыть глаза.

— Как удалить его потом? — спросил он.

— Протрите спиртом; и он сразу растворится, — сказал я. — Коллодий совершенно безвреден. А теперь закройте глаза.

Индус закрыл глаза, и я наложил коллодий на его веки.

— Не открывайте, — предупредил я его. — Подождите, пока коллодий затвердеет.

Через пару минут образовалась прочная пленка, которая намертво склеила веки.

— Попробуйте открыть, — предложил я.

У него нечего не вышло.

Вернулся доктор Маршалл с миской теста — самого обыкновенного белого теста, из которого выпекают хлеб. Отщипнув кусочек, я залепил им один глаз. Заполнил тестом всю глазницу и немного вокруг. Потом плотно прижал по краям. То же самое проделал со вторым глазом.

— Не очень мешает? — спросил я.

— Нет, — ответил индус. — Все замечательно.

— Забинтуйте его, — обратился я к доктору Маршаллу. — У меня пальцы липкие.

— С удовольствием, — отозвался тот. — Смотрите. — Он взял большой ватный тампон и положил на залепленные тестом глаза индуса. Вата прилипла к тесту и не падала. Он попросил гостя сесть.

Индус сел на кровать.

Доктор Маршалл взял восьмисантиметровый бинт и принялся обматывать им голову. Бинт плотно прижимал вату и тесто к глазам. Доктор Маршалл закрепил повязку. Потом наложил вторую повязку, обматывая бинтом не только глаза, но и лицо с головой.

— Нос не бинтуйте, пожалуйста, чтобы я мог дышать, — попросил гость.

— Разумеется, — отозвался доктор Маршалл. И, закончив работу, крепко стянул концы бинта. — Ну как? — спросил он.

— Блестяще, — похвалил я. — Сквозь такую повязку он точно ничего не увидит.

Теперь всю голову индуса покрывала плотная белая повязка, из-под которой торчал лишь кончик носа. Он был похож на человека, которому сделали обширную операцию на мозге.

— Как чувствуете себя? — спросил его доктор Маршалл.

— Превосходно, — ответил индус. — Вы великолепно поработали. Благодарю.

— Ну тогда вперед, — сказал доктор Маршалл, подмигнув мне. — Посмотрим, как вы обойдетесь без глаз.

Индус поднялся с кровати и направился напрямиком к двери. Отворив ее, он вышел.

— Боже правый! — воскликнул я. — Вы видели? Он, не раздумывая, положил руку на дверную ручку!

Улыбка слетела с лица доктора Маршалла. Краска отхлынула от его лица.

— Я пойду за ним, — сказал он, устремившись к выходу. Я бросился следом.

Индус уверенно шел по больничному коридору. Мы с доктором Маршаллом отставали от него метров на пять, Я с тревогой смотрел на человека с огромной, замотанной в бинты белой головой, как ни в чем не бывало шагающего по коридору. Мне стало не по себе при мысли, что веки у него заклеены, а глазницы заполнены тестом, поверх которого лежит толстый слой ваты и тугая повязка.

Я увидел санитар-туземца, идущего по коридору навстречу индусу. Он катил тележку с едой. Внезапно санитар заметил белоголового и замер на месте. Забинтованный индус спокойно обогнул тележку и пошел дальше.

— Он ее видел! — закричал я. — Точно видел! Он обошел ее! Уму непостижимо!

Доктор Маршалл не отозвался. Щеки у него побелели, на лице застыло выражение ошеломленного недоверия.

Индус вышел на лестницу и стал спускаться по ступенькам.

Он спускался легкой уверенной походкой. Он даже не брался за перила. Навстречу ему по лестнице шли люди. Увидев его, они разом остановились и в изумлении уставились на него. Потом поспешно уступили дорогу.

На последней ступеньке индус повернул вправо и направился к двери на улицу. Мы с доктором Маршаллом следовали за ним по пятам.

Парадный подъезд нашей больницы не выходит прямо на улицу, а располагается в глубине, и, пройдя через входные двери, надо спуститься по длинной лестнице, чтобы попасть в дворик, окаймленный акациями. Мы с доктором Маршаллом вышли на яркий солнечный свет и остановились на верхней ступеньке. Во двореке собралась толпа, человек, наверное, в сто. По меньшей мере половину из них составляли босоногие дети, и когда наш белоголовый индус появился на ступеньках, все они с радостными криками бросились ему навстречу. Он приветствовал их, подняв обе руки над головой.

И тут вдруг я заметил велосипед. Он стоял у самой нижней ступеньки, его придерживал маленький мальчик. Это был самый обычный велосипед, но на раме заднего колеса красовался огромный плакат. На плакате были написано:

*ИМПРАТ ХАН, ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ВИДИТ С ЗАКРЫТЫМИ
ГЛАЗАМИ! ВРАЧИ ЗАБИНТОВАЛИ МНЕ ГЛАЗА! СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ И
ВСЮ ЭТУ НЕДЕЛЮ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В ЗАЛЕ „РОЙЯЛ-ПАЛАС“,
УЛИЦА АКАЦИЙ, НАЧАЛО В 7 ЧАСОВ ВЕЧЕРА. НЕ ПРОПУСТИТЕ! ВЫ
УВИДИТЕ НАСТОЯЩИЕ ЧУДЕСА!*

Спустившись вниз, наш индус без колебаний направился прямо к велосипеду. Он что-то сказал мальчишке, и тот улыбнулся. Индус взобрался на велосипед. Толпа перед ним расступилась. И — подумать только! — этот человек с заклеенными и забинтованными глазами покатиł себе через дворик и влился прямо в шумную, надрывающуюся автомобильными клаксонами суету уличного движения!

Толпа визжала от восторга. Босоногая детвора бежала за ним с воплями и хохотом. Минуту-две мы еще видели, как он мастерски едет по оживленной улице. Мимо него со свистом проносились машины. Стайка ребятишек вприпрыжку бежала следом. Потом он свернул за угол и пропал из вида.

— У меня голова кругом идет, — проговорил доктор Маршалл. —
Поверить не могу.

— Придется поверить, — сказал я. — Не мог он вытащить тесто из-под бинтов. Мы же глаз с него не спускали. Не говоря уж про склеенные веки: чтобы открыть глаза, ему придется минут пять потрудиться, да еще вата нужна и спирт.

— Знаете что, — сказал доктор Маршалл. — По-моему, мы видели чудо.
Мы развернулись и медленно побрели назад в больницу.

До конца рабочего дня (продолжал читать Генри Шугар) я занимался с больными. В шесть вечера сдал дежурство и поехал домой, чтобы принять душ и переодеться. В это время года в Бомбее стоит страшная жара, и даже после захода солнца не становится легче. Можно целый день просидеть в кресле, ничего не делая, и все равно истечешь потом. Лицо влажно блестит, а рубашка прилипает к телу. Я принял холодный душ, выпил виски с содовой, сидя на веранде в одном лишь полотенце, обернутом вокруг бедер. Потом оделся во все чистое.

Без десяти семь я стоял возле „Ройял-Паласа“ на улице Акаций. Зал не произвел на меня впечатления. Обычный обшарпанный зальчик, которые снимают за небольшую плату для проведения собраний или танцевальных вечеров. У кассы собралась внушительная толпа местных жителей. Над входом висела огромная афиша, объявляющая, что Международный театр на этой неделе дает ежевечерние представления. Сообщалось, что будут жонглеры, фокусники, акробаты., шпагоглотатели, пожиратели дгня, заклинатели змей, а также одноактная пьеса под названием „Раджа и госпожа Тигрица“, В верхней части афиши крупными буквами было выведено: *Имрат Хан, чудо-человек, который видит с закрытыми глазами.*

Я купил билет и вошел в зал.

Представление продолжалось два часа. К моему удивлению, я получил громадное удовольствие. Все артисты выступали превосходно. Мне понравился человек, жонглировавший кухонной утварью. Он

одновременно подбрасывал в воздух кастрюлю, сковороду, противень, гигантское блюдо и глиняный горшок. Заклинатель змей заставлял огромную змею вытягиваться вверх, чуть ли не вставать на самый кончик хвоста и раскачиваться в такт звукам флейты. Пожиратель огня пожирал огонь, а шпагоглотатель заглатывал тонкую острую рапиру по самую рукоятку. И наконец под гром фанфар и труб на сцену вышел наш знакомец Имрат Хан. Без повязки, которую мы наложили ему в больнице.

Зрителям предложили подняться на сцену и завязать ему глаза простынями, шарфами, тюрбанами, и, в конечном счете, на его голову наvertели столько ткани, что он едва удерживал равновесие. Потом ему вручили револьвер. Появился маленький мальчик и встал у левого края сцены. Я узнал в нем мальчишку, который утром придерживал велосипед у входа в больницу. Мальчик поставил жестяную банку себе на голову и замер. Имрат Хан прицелился, и в зале воцарилась мертвая тишина. Он выстрелил. Все зрители повскакивали со своих мест. Жестянка слетела с головы мальчика и звонко покатила по сцене. Мальчик подхватил банку и показал залу пробитую пулей дыру. Все захлопали и восторженно закричали. Мальчишка улыбнулся.

Потом мальчик встал у деревянного щита, а Имрат Хан метал ножи, обрисовывая его контур, причем ножи почти касались тела ребенка. Великолепный номер.

Немногие способны метать ножи с такой точностью даже с открытыми глазами, а этот удивительный человек с головой, похожей на снежный ком, швырял острые ножи в щит в миллиметре от головы напарника. Мальчик все время улыбался, и когда номер закончился, зрители в зале затопали ногами и завопили от восторга.

Последний номер Имрат Хана, хоть и не столь зрелищный, произвел на меня глубокое впечатление. На сцену вынесли металлический бочонок. Зрителям предложили осмотреть его и убедиться, что в металле нет отверстий. Отверстий не было. Затем бочонок водрузили на обмотанную тряпками голову Имрат Хана. Бочонок доходил ему до локтей, прижимая руки к бокам. Но кисти могли свободно двигаться. В одну ладонь ему вложили иглу, в другую — нитку. Не сделав ни одного неверного движения, он ловко вдел нитку в ушко иголки. Я был ошеломлен.

После представления я прошел за кулисы. Имрат Хан молча сидел на деревянном стуле в маленькой, но чистой уборной. Мальчик сматывал ему с головы груды шарфов и простыней.

— А, — произнес он. — Мой знакомый врач из больницы. Входите, сэр, прошу вас.

— Я был на представлении, — сообщил я.

— И что скажете?

— Мне очень понравилось. У вас потрясающий номер.

— Благодарю вас, — сказал он. — Это высокая похвала.

— Должен поздравить также и вашего помощника, — добавил я, кивая на мальчика. — Он очень отважный.

— Он не говорит по-английски, — сказал индус. — Но я переведу ему ваши слова. — Он быстро заговорил на хинди, и мальчик важно кивнул, но не произнес ни слова.

Наконец с его головы сняли все повязки.

— Послушайте, — продолжал я. — Сегодня утром я оказал вам небольшую услугу. Могу теперь я попросить вас об одолжении? Не согласитесь ли поужинать со мной?

— Кажется, вы заинтригованы, доктор. Я угадал?

— Страшно заинтригован, — признался я. — Мне бы хотелось поговорить с вами.

Меня вновь поразила необычайно густая растительность, покрывавшая его уши. Ни у одного человека я не видел ничего подобного.

— Врачи меня еще не расспрашивали, — сказал он. — Но я не возражаю. С удовольствием поужинаю с вами.

— Мне подождать в машине?

— Да, пожалуйста, — кивнул он. — Мне нужно умыться и переодеться.

Я объяснил ему, как выглядит мой автомобиль, и сказал, что подожду на улице.

Он появился через пятнадцать минут в белом хлопчатобумажном одеянии и в сандалиях на босу ногу. Вскоре мы удобно сидели в небольшом ресторанчике, куда я подчас захожу, потому что там готовят лучшее карри в городе. Я запивал карри пивом. Имрат Хан пил лимонад.

— Я не писатель, — сказал я ему. — Я врач. Но если вы расскажете мне вашу историю с самого начала, если вы объясните мне, как вам удалось развить в себе эту удивительную способность видеть с закрытыми

глазами, я запишу ее со всеми мельчайшими подробностями. Может быть, мне удастся опубликовать свои записи в „Британском медицинском журнале“ или даже в более популярном издании. А поскольку я именно врач, а не просто какой-то сочинитель, который пишет ради денег, люди серьезно отнесутся к моим словам, и вы приобретете широкую известность.

— Да, мне бы это не помешало, — согласился он. — Но вам-то это зачем?

— Я сгораю от любопытства. Это единственная причина.

Имрат Хан отправил в рот немного риса с карри и медленно прожевал. Потом сказал:

— Ладно, друг мой. Я согласен.

— Замечательно! — обрадовался я. — После ужина поедем ко мне домой и поговорим. Там нам никто не помешает.

Наконец мы насытились, я заплатил по счету и отвез Имрат Хана к себе.

В гостиной я достал бумагу и карандаши, с тем чтобы делать заметки. У меня выработалась своя личная система скорописи, которой я пользуюсь в работе с медицинскими историями пациентов, и с ее помощью мне удается записывать весь разговор, не пропуская ни одного слова, если только собеседник говорит не слишком быстро. Думаю, я записал все, что в тот вечер рассказал мне Имрат Хан, слово в слово. Вот его история:

„Я — индеец, индус, — начал Имрат Хан, — родился в Ахнуре, штат Кашмир, в 1905 году. Семья наша бедная, мой отец работал билетным контролером на железной дороге. Когда мне было тринадцать лет, в нашу школу пришел индийский чародей и дал представление. Звали его, как сейчас помню, профессор Мур — все фокусники в Индии называют себя профессорами, — и он показывал замечательные фокусы. Я был поражен. Думаю: вот настоящее волшебство. Чувствую — как бы вам это сказать — чувствую мощное желание самому научиться этому волшебству, так что через два дня я бегу из дому, решив отыскать своего нового кумира, профессора Мура, и последовать за ним. Беру все свои сбережения, четырнадцать рупий, и всю свою одежду — ту, что на мне. А ношу я белое дхоти (так в Индии называют набедренную повязку) и сандалии. Это 1918 год, и мне, повторяю, тринадцать лет.

Выясняется, что профессор Мур уехал в Лахор, это за двести миль, и вот я, совсем один, беру билет в третий класс, сажусь на поезд и еду за ним. В Лахоре я нахожу профессора. Он показывает свои фокусы в каком-то

балагане. Рассказываю ему о своем восхищении и прошусь к нему в помощники. Он меня принимает. Сколько мне платят? Восемь анна в день.

Профессор учит меня делать фокус со сцепленными кольцами, и моя работа — стоять на улице перед цирком, показывая этот фокус, и зазывать народ на представление.

Целых шесть недель мне это очень нравилось. Куда лучше, чем ходить в школу. Но потом вдруг — как гром среди ясного неба. Я понимаю, что профессор Мур никакой не чародей, все его фокусы — обыкновенная ловкость рук и больше ничего. Профессор тотчас перестает быть моим героем. Я теряю всякий интерес к работе. Но в то же самое время все мое сознание наполняется огромным желанием познать основы настоящей магии и понять, что за странная сила таится“ учении йоги.

Значит, я должен найти йога, который позволит мне стать его учеником. Мне предстоит нелегкая задача. Настоящие йоги на деревьях не растут. Их очень мало во всей Индии. И еще, они — религиозные фанатики. Следовательно, если я хочу отыскать учителя, мне придется тоже изображать из себя очень религиозного человека.

Нет, на самом деле я не религиозен. Поэтому вы, наверное, сочтете меня мошенником. Я хотел стать йогом только ради себя. Чтобы с помощью этих знаний добиться славы и богатства.

Но это противоречит истинной философии йогов. Настоящий йог искренне верит, что если станет злоупотреблять своими силами, то умрет ранней и внезапной смертью. Йог никогда не должен выступать на людях. Он должен заниматься своим искусством только в полном уединении и только как религиозным ритуалом, иначе его ждет неминуемая смерть. Я никогда в это не верил и не верю до сих пор.

И вот начались поиски йога-наставника. Я оставил профессора Мура и поехал в город Амритсар, в Пенджабе, где присоединился к труппе бродячих артистов. Мне же надо на что-то жить, пока я ищу учителя, а в свое время я успешно выступал в школьной самодеятельности. Так вот, три года я бродил с этим цирком по всему Пенджабу и выступал с лучшими номерами нашей программы. Мне тогда было уже шестнадцать с половиной. Все это время я копил деньги, и у меня собралась огромная сумма — две тысячи рупий.

И вдруг до меня доходят слухи о человеке по имени Банержи. Как утверждает молва, этот Банержи — один из величайших йогов Индии и

обладает невероятными способностями. Говорят, он получил редкий дар левитации: когда он молится, его тело поднимается и висит в полуметре над землей.

Ага, думаю. Вот он-то мне и нужен. Его я и должен отыскать. Взяв свои сбережения, я оставляю цирковую труппу и устремляюсь в Ришикеш, на берега Ганга, где, по слухам, живет Банержи.

Шесть месяцев я ищу Банержи. Где он? Где? Где Банержи? Да, говорят мне в Ришикеше, Банержи определенно был в городе, но давно, а потом его никто не видел. А где он сейчас? А сейчас Банержи ушел в другое место. Что за другое место? Ах, говорят, да кто это может знать. И в самом деле, как люди узнают о перемещениях такого человека, как Банержи? Ведь он живет в полной изоляции от мира. Или нет? И я говорю: да. Да, да, да. Конечно. Это очевидно. Даже для меня.

Я трачу все свои сбережения, пытаюсь найти Банержи. Но тщетно. Тогда я остаюсь в Ришикеше и зарабатываю на жизнь, показывая обыкновенные фокусы. Этим фокусам я научился у профессора Мура, а природа наградила меня ловкими руками.

Однажды сижу я в небольшой гостинице в Ришикеше и снова слышу разговор про йога Банержи. Один странник говорит, что слышал, будто Банержи сейчас живет совсем один в джунглях, в непролазной чаще неподалеку отсюда. Но где? Странник не знает точно.

— Наверное, — говорит он, — где-то там, в той стороне, к северу от города, — и показывает пальцем.

Ну что ж, мне и этого достаточно. Я иду на рынок, чтобы нанять тонгу — лошадь с двуколкой, — и только мы с возницей сошлись в цене, как к нам подходит человек, который слышал наш разговор, и говорит, что ему с нами по пути. Если я соглашусь подвезти его, он готов взять на себя часть расходов. Я, конечно, с радостью соглашаюсь, и мы отправляемся в путь. Мы с попутчиком сидим в двуколке, а возница правит лошадей. Узкая дорожка ведет прямо в джунгли.

И тут мне фантастически повезло! В разговоре выясняется, что мой попутчик — ученик того самого великого Банержи и сейчас он едет к своему наставнику. Недолго думая, я говорю ему, что тоже хотел бы стать учеником этого йога.

Он поворачивается и молча смотрит на меня минуты, наверное, три. Потом тихо отвечает:

— Нет, это невозможно.

Ладно, говорю я себе, увидим. И спрашиваю, правда ли Банержи левитирует, когда молится.

— Да, — отвечает, — правда. Но никто этого не видит. Никому не дозволяется приближаться к Банержи, когда он молится.

Едем дальше и все время говорим о Банержи. Я осторожно расспрашиваю его и выясняю некоторые подробности из жизни Банержи, в том числе и время его молитв. Вскоре мой спутник говорит, что приехал, и прощается со мной.

Я высаживаю его и делаю вид, что еду дальше, но за поворотом велью вознице остановиться и ждать меня. Быстро спрыгиваю на землю и тайком возвращаюсь назад, высматривая того человека, ученика Банержи. На дороге его нет. Он уже скрылся в джунглях. Но куда он пошел? В какую сторону от дороги? Я тихо стою и прислушиваюсь.

Внезапно до меня доносится тихий шорох из подлеска. Вот он, говорю я себе. Если не он, тогда тигр. Но это он. Я вижу его впереди. Он идет, продираясь сквозь густые заросли. Там нет даже маленькой тропки, и ему приходится пробираться между высокими бамбуками, среди буйной растительности, Я крадусь за ним. Держусь от него подальше — боюсь, как бы он меня не услышал. Я-то его, конечно, слышу. Ни один человек не способен бесшумно передвигаться по джунглям, и когда я теряю его из вида — а это происходит постоянно, — то иду на звук его шагов.

Примерно полчаса мы играем в „догонялки“. Внезапно звук его шагов пропадает. Я останавливаюсь и прислушиваюсь. Джунгли молчат. Я в ужасе — вдруг я его потерял? Прохожу немного вперед и неожиданно вижу сквозь густой подлесок небольшую поляну, а посреди поляны — две хижины. Маленькие хижины из листвы и веток деревьев. Сердце мое выпрыгивает из груди, меня охватывает страшное волнение, потому что я знаю наверняка, что здесь живет Банержи, тот самый йог.

Ученик исчез. Наверное, зашел в одну из хижин. Вокруг тишина. Я провожу тщательный осмотр близлежащих кустов и деревьев. Неподалеку от хижины вижу ямку с водой и рядом с ней молитвенный коврик — значит, говорю я себе, здесь Банержи медитирует и молится. Метрах в тридцати от ямки растет огромный развесистый баобаб с такими толстыми ветками, что на них можно поставить кровать и лежать там,

оставаясь незамеченным. Отличное дерево, говорю я себе. Спрячусь на нем и дождусь Банержи. Он будет молиться, и я все увижу.

Но ученик сказал мне, что молитва начинается не раньше пяти или шести часов вечера, так что у меня есть еще несколько часов. Я возвращаюсь на дорогу к вознице тонги. Говорю ему, что он должен меня подождать. Приходится доплатить ему, но меня это не волнует — я страшно взволнован и забыл обо всем, даже о деньгах.

Время полуденного зноя и тяжелой влажной жары джунглей я переживаю около тонги. Ближе к пяти часам, продираясь сквозь чащу буйной растительности, потихоньку возвращаюсь к хижине. Сердце колотится как безумное, все тело сотрясает страшная дрожь от нервного напряжения. Я быстро залезаю на дерево и прячусь в листве. Здесь меня никто не заметит, зато мне все прекрасно видно. И жду. Жду сорок пять минут.

Часы? Да, на мне были наручные часы. Я точно помню. Эти часы я выиграл в лотерею и очень ими гордился. На циферблате часов стояло имя изготовителя: „Исламия Уотч Компани, Лудхиана“. Я собираюсь провести тщательный хронометраж увиденного, запомнить все подробности этого необыкновенного зрелища.

Сажу на дереве, жду.

Вдруг из хижины выходит высокий худой человек в оранжевом дхоти. Он несет поднос с медными горшочками и дымящимися благовониями. Садится, скрестив ноги на коврике у ямки с водой, и ставит поднос перед собой на землю. Все его движения кажутся спокойными и плавными. Он наклоняется, зачерпывает пригоршню воды из ямки и выливает ее через плечо. Берет курительницу и медленно, мягкими скользящими движениями проводит ею взад и вперед по груди. Кладет руки ладонями вниз на колени. Замирает. Делает глубокий вдох. Он втягивает ноздрями воздух, и вдруг через секунду его лицо преображается. Оно озаряется каким-то светом... От него исходит сияние, и я вижу, как его лицо меняется.

Четырнадцать минут он неподвижно сидит в этой позе, а потом я вижу, совершенно отчетливо вижу, как его тело медленно... медленно... медленно отрывается от земли. Он все так же сидит со скрещенными ногами и ладонями на коленях, а его тело медленно поднимается над землей. Между ним и землей появляется просвет. Просвет постепенно увеличивается... Тридцать сантиметров... сорок... сорок пять... полметра... И вскоре он поднимается на шестьдесят сантиметров над молитвенным ковриком.

Я замер на дереве и, наблюдая, постоянно твержу себе: смотри в оба. Прямо перед тобой, в каких-то тридцати метрах отсюда человек безмятежно висит в воздухе. Ты его видишь? Да, вижу. Но ты уверен, что это не мираж? Может, у тебя галлюцинации? Уверен, что это не обман зрения? Да, уверен. Уверен! Смотрю на него в полном изумлении. Долго не могу оторвать от него глаз, и через некоторое время тело начинает медленно опускаться на землю. Я вижу, как оно медленно, плавно движется вниз и наконец вновь садится на коврик.

Я засекаю время — по моим часам, тело продержалось в воздухе сорок шесть минут!

А потом долго-долго, более двух часов он сидит в застывшей позе, словно каменное изваяние, без единого движения. Кажется, даже не дышит. Глаза закрыты, на просветленном лице блуждает улыбка — с тех пор я ни у кого больше не видел такого умиротворенного выражения лица.

Наконец он начинает шевелиться. Двигает руками. Встает. Снова нагибается. Берет поднос и медленно идет в хижину. Я потрясен увиденным чудом. Я в исступлении. Забываю про всякую осторожность, быстро слезаю с дерева, бегу прямо к хижине и влетаю в дверь. Банержи, склонившись, моет ноги и руки в тазике. Он сидит ко мне спиной, но слышит меня, быстро оборачивается и выпрямляется. На его лице большое удивление, и первое, что он мне говорит: „Ты тут давно?“ — говорит резко, словно бы ему неприятно.

Я не задумываясь выкладываю ему всю правду. Рассказываю, как сидел на дереве и следил за ним. Потом говорю ему, что больше всего на свете хочу стать его учеником, ничего другого мне в жизни не нужно. Пожалуйста, прошу я его, пусть он позволит мне стать его учеником!

Он приходит в бешенство. Вне себя от ярости он кричит на меня.

— Вон! — кричит он. — Вон отсюда! Вон! Вон! Вон! — В ярости хватает небольшой кирпич и швыряет его в меня. Тот вонзается мне в правую ногу чуть пониже колена. У меня до сих пор остался шрам. Сейчас покажу. Вот, видите, под коленкой.

Гнев Банержи ужасен. В страхе я поворачиваюсь и убегаю. Пулей несусь через джунгли к тому месту, где меня ждет возница тонги, и мы едем домой в Ришикеш. Но ночью я преодолеваю страх и принимаю решение: каждый день буду возвращаться в хижину Банержи и не отстану от него, и

в конце концов ему придется взять меня в ученики — хотя бы для того, чтобы обрести покой.

Так я и делаю. Ежедневно хожу к нему, и каждый день он обрушивает на меня лавину гнева. Он кричит и топает ногами, а я стою, сжавшись от страха, но, тем не менее, упрямо твержу о своем желании стать его учеником. И так пять дней. На шестой день Банержи вдруг успокаивается и ведет себя довольно вежливо. Он объясняет, что не может взять меня в ученики. Но он даст мне записку, говорит он, к своему другу, великому йогу, который живет в Хардваре. Он мне поможет и всему научит».

Имрат Хан прервал свой рассказ и попросил у меня попить, Я принес ему стакан воды. Сделав большой глоток, он продолжил рассказ.

«Дело происходит в 1922 году, и мне почти семнадцать. Итак, я отправляюсь в Хардвар. Нахожу того йога, и благодаря письму от великого Банержи он соглашается давать мне уроки.

Что это за уроки?

Безусловно, это самая важная часть дела. Именно к этому я стремился, это искал, так что не сомневайтесь — я с головой окунаюсь в учебу.

Начальная стадия обучения посвящена сложнейшим физическим упражнениям, с помощью которых я учился контролировать свои мышцы и дыхание. Но после нескольких недель тренировок даже самый усердный ученик теряет терпение. Я говорю йогу, что хочу развивать психические способности, а не физические.

— Если ты научишься управлять своим телом, — отвечает он, — то своим разумом будешь управлять уже автоматически.

Но я хочу все сразу и продолжаю упрашивать его. В конце концов он сдается:

— Ладно, дам тебе несколько упражнений, которые научат тебя концентрировать свое сознание.

— Сознание? — удивляюсь я. — При чем тут сознание?

— Каждый человек обладает двумя видами разума: сознанием и подсознанием. Подсознание имеет высокую способность концентрации, однако сознание — а именно этим видом разума мы пользуемся в повседневной жизни — у нас рассеянное, мы не умеем его концентрировать. Оно сосредотачивается на тысяче всяких мелочей — на том, что мы видим и о чем думаем. Так вот, тебе нужно научиться

сосредотачивать свое сознание таким образом, чтобы ты мог мысленно увидеть один предмет по своему выбору, но только один, и больше ничего другого. Если будешь упорно работать, то научишься удерживать визуальный образ любого выбранного тобой предмета в своем мозгу, в своем сознании не менее трех с половиной минут. Но на это уйдет лет пятнадцать.

— Пятнадцать лет! — в ужасе кричу я.

— Может, и больше, — говорит он. — Но, как правило, на это уходит не больше пятнадцати лет.

— Но к тому времени я стану стариком!

— Не отчаивайся, — говорит йог. — Разным людям требуется разное время. Некоторые учатся десять лет, другие — таких немного — чуть меньше, и в очень редких случаях встречается особенный человек, которому удастся развить в себе эту способность всего за год или два. Но такой человек попадается один на миллион.

— Кто они, эти выдающиеся люди? — спрашиваю я. — Они отличаются от других?

— Внешне они ничем не отличаются, — говорит он. — Особенным человеком может оказаться простой дворник или фабричный рабочий. Или раджа. Не угадаешь, пока не начнется обучение.

— Неужели так трудно сосредоточиться на одном предмете в течение трех с половиной минут? — недоумеваю я.

— Почти невозможно, — отвечает. — Попробуй и узнаешь. Закрой глаза и думай о чем-нибудь. Думай только об одном предмете. Мысленно представляй его. И через несколько секунд твое сознание начнет рассеиваться. В него просочатся другие мысли. Возникнут иные образы. Это очень трудно.

Так говорил йог из Хардвара.

Так начинается настоящая учеба. Каждый вечер я сажусь, закрываю глаза и пытаюсь представить лицо человека, которого люблю больше всех на свете, — своего брата. Но в ту же секунду сознание рассеивается. Я прекращаю упражнение и несколько минут отдыхаю. Потом пробую снова.

Через три года ежедневных упражнений я могу полностью сосредоточиться на лице брата в течение полутора минут. Я делаю успехи.

Но вот что интересно: в результате этих упражнений у меня начисто пропадает обоняние. Оно до сих пор ко мне не вернулось.

Потом необходимость зарабатывать себе на жизнь заставляет меня покинуть Хардвар. Я еду в Калькутту, где гораздо больше возможностей, и вскоре начинаю зарабатывать вполне приличные деньги, показывая фокусы. Ноне оставляю своих занятий. Каждый вечер, где бы я ни был, я устраиваюсь в тихом углу и упражняюсь в концентрации сознания на лице брата. Иногда я выбираю менее личный предмет, скажем, апельсин или очки, тем самым усложняя упражнение.

Однажды я еду из Калькутты в Дакку в Восточной Бенгалии, чтобы выступить со своими фокусами в местном колледже, и там я случайно попадаю на удивительное представление — хождение по раскаленным углям. Собралась большая толпа людей. У подножия небольшого холма вырыта канава. Сотни зрителей сидят на склоне и смотрят вниз.

Канава длиной около семи метров заполнена дровами и углем, залитыми парафином. Парафин поджигают, и через некоторое время вся канава превращается в раскаленную печь. От нее пышет жаром, и те, кто перемешивает угли, вынуждены надеть защитные очки. Сильный ветер раскаляет угли добела.

Появляется индус в одной набедренной повязке и босиком. Толпа замолкает. Индус спускается в канаву и идет по раскаленным углям. Не останавливается. Но и не торопится. Он просто идет по раскаленным добела углям и выходит с противоположного конца. На ногах ни малейшего ожога. Он показывает свои ступни толпе. Толпа поражено глядит.

Индус снова спускается в канаву. На этот раз он идет еще медленнее, и я вижу выражение полнейшей отрешенности на его лице. Этот человек, говорю себе, занимался йогой. Он йог.

После представления индус спрашивает у толпы, есть ли среди них смельчак, готовый спуститься вниз и пройти по углям. Вокруг воцаряется тишина. Мое сердце внезапно сжимается от волнения. Это мой шанс.

Нельзя его упускать. У меня есть вера и храбрость. Я должен попытаться. Вот уже три года я развиваю в себе способность к концентрации, и пришло время испытать себя.

Пока я стою и терзаюсь сомнениями, из толпы выходит доброволец — молодой индус. Он заявляет, что хотел бы попробовать пройти по углям. Решено! Я тоже делаю шаг вперед. Толпа приветствует нас обоих.

Теперь настоящий йог становится наблюдателем. Он говорит, что первым пойдет тот, другой. Он велит ему снять дхоти, иначе от исходящего от углей жара ткань может загореться, говорит он. Сандалии тоже нужно снять.

Молодой индус делает, что велено. Он подходит к краю канавы, и его обдаёт нестерпимым жаром. Теперь он выглядит испуганным. Отступает на несколько шагов назад, прикрывая глаза ладонями.

— Не делай этого, если не хочешь, — говорит йог.

Толпа ждет и смотрит, предвкушая эффектное зрелище.

Молодой человек хочет доказать свою храбрость, хоть и напуган до смерти.

— Конечно, я пойду.

С этими словами он бежит к канаве. Ступает в нее одной ногой, потом второй. Издаёт страшный вопль, выскакивает из канавы и падает на землю. Бедняга лежит, крича от боли. Подошвы его ступней сильно обожжены, в некоторых местах слезла кожа. К нему подбегают двое друзей и уносят его.

— Теперь твой черед, — говорит индус. — Готов?

— Готов, — отвечаю я. — Но, прошу вас, не кричите. Мне нужно настроиться.

В толпе наступила гробовая тишина. Только что они видели, как обгорел один. Неужели второй хочет того же? Он что, рехнулся?

— Не смей! Не сходи с ума! — выкрикнул кто-то. Другие подхватывают крик, все уговаривают меня отступить. Я оборачиваюсь и поднимаю руки, требуя тишины. Крики стихают. Зрители во все глаза смотрят на меня.

Я необычайно спокоен.

Стягиваю с себя дхоти. Снимаю сандалии. Неподвижно стою с закрытыми глазами. Начинаю концентрировать сознание. Концентрируюсь на огне. Не вижу ничего, кроме раскаленных добела углей, сосредотачиваюсь на одной-единственной мысли — угли не горячие, а холодные. Они

холодные, говорю я себе. Я не обожгусь. Они не могут меня обжечь, потому что в них нет тепла. Проходит полминуты, Я знаю, что медлить нельзя, так как я неспособен концентрироваться на одном предмете больше полутора минут.

Продолжаю концентрироваться. Я сосредотачиваюсь так сильно, что вхожу в своего рода транс. Ступаю на угли. Довольно быстро прохожу по канаве во всю ее длину. И — о чудо! — я не обжегся!

Толпа неистовствует. Все визжат от восторга. Ко мне подбегает индус и осматривает ступни. Он не верит своим глазам. Ни одного ожога!

— Ого! — кричит он. — Что такое? Ты — йог?

— Только учусь, сэр, — гордо отвечаю я. — Но я на верном пути.

Быстро одеваюсь и убегаю от неистовствующей толпы.

Естественно, я взволнован. „Вот оно, — говорю я себе. — Наконец-то получается“. А в голове постоянно крутится одна мысль. Я вспоминаю слова старого йога из Хардвара. „Известно, что некоторые праведники развили в себе столь сильную способность концентрации, — рассказывал он, — что могли видеть с закрытыми глазами“, Я постоянно помню его слова и мечтаю сам овладеть такой способностью. А после того, как у меня получилось пройти по раскаленным углям, я решил, что сосредоточу все свои силы на одной-единственной цели — научиться видеть с закрытыми глазами».

Тут Имрат Хан во второй раз прервал свой рассказ. Он выпил глоток воды, откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

— Я пытаюсь ничего не перепутать, — пояснил он, — и хочу пересказать все события в строгой последовательности.

— У вас замечательно получается, — улыбнулся я. — Продолжайте.

«Хорошо, — кивнул он. — Итак, я в Калькутте. Недавно я с успехом прошел по раскаленным углям. А теперь решил сконцентрировать всю свою энергию на развитие способности видеть с закрытыми глазами.

Следовательно, пришло время немного изменить упражнения. Теперь каждую ночь я зажигаю свечу и не отрываясь смотрю на пламя.

Понимаете, пламя свечи разделено на три части — желтая сверху, лилово-розовая снизу и черная посередине. Я ставлю свечу в сорока сантиметрах от своего лица. Пламя находится на уровне моих глаз. Не выше и не ниже. Оно должно быть точно на уровне глаз, чтобы мне не

приходилось напрягать глазные мышцы, передвигая взгляд вверх или вниз. Я устраиваюсь поудобнее и смотрю на черную часть пламени, в самый центр. Все это я делаю только для того, чтобы сконцентрировать сознание, освободить его от окружающих предметов. Итак, я напряженно смотрю на черное пятно в пламени, и через некоторое время все вокруг исчезает, я вижу лишь это черное пятно. Тогда я медленно закрываю глаза и сосредотачиваюсь на одном предмете — как вам уже известно, на лице брата.

Я выполняю это упражнение каждый вечер перед сном и к 1929 году, когда мне исполняется двадцать четыре, мне удается сосредоточиться на одном предмете в течение трех минут, не отвлекаясь ни на что другое. И теперь я начинаю сознавать, что приобрел слабую способность видеть предмет с закрытыми глазами. Способность эта еще очень слабенькая, скорее даже легкое странное ощущение, что, закрыв глаза и сконцентрировав сознание на каком-то предмете, я могу видеть его очертания.

Понемногу я начинаю развивать внутреннее зрение.

Вас интересует, что это такое? Я объясню вам так же, как в свое время мне объяснил йог из Хардвара.

У всех нас есть два вида зрения — так же, как и два вида обоняния, вкуса и слуха. Высокоразвитое внешнее чувство, которым мы все пользуемся, а также внутреннее чувство; Если бы мы могли развить эти наши внутренние чувства, тогда мы бы нюхали без помощи носа, пробовали: на вкус — без языка, слышали — без ушей и видели — без глаз. Понимаете? Вы разве не поняли, что носы, языки, уши и глаза это только... Как бы это назвать?... Только орудия, которые помогают передавать само ощущение в мозг.

Так вот, я все время стараюсь развить свое внутреннее зрение. Каждую ночь я выполняю свои обычные упражнения с пламенем свечи и лицом брата. После этого немного отдыхаю. Потом завязываю себе глаза и сижу в кресле, пытаюсь вызвать в сознание визуальный образ, стараясь увидеть, а не просто представить — именно увидеть с закрытыми глазами каждый предмет в комнате.

И постепенно мне это удается.

Вскоре я начинаю работать с колодой карт. Беру верхнюю карту и держу ее перед собой рубашкой вверх, пытаюсь увидеть сквозь нее. Потом карандашом записываю, какую карту я „увидел“. Беру следующую и

делаю то же самое. И так всю колоду. Потом сверяю свои записи с истинным значением карт. В первый же раз мне удается угадать шестьдесят-семьдесят процентов карт.

Я делаю и другие упражнения. Покупаю географические карты и сложные навигационные чертежи и развешиваю их по всей комнате. Я часами смотрю на них с завязанными глазами, пытаюсь их увидеть, пытаюсь прочесть названия городов и рек, написанные мелкими буквами. Четыре года я упражняюсь каждый вечер.

В 1933-м, то есть в прошлом году, когда мне исполнилось двадцать восемь, я сумел прочесть книгу. Я закрываю глаза и читаю книгу от начала до конца.

Наконец я добился своего, я развил в себе эту способность. Теперь я точно знаю. Мне не терпится испытать себя на публике, и я тотчас включаю номер с завязанными глазами в свое выступление.

Публика в восторге. Они долго и громко аплодируют. Но ни один человек не верит, что я на самом деле вижу с закрытыми глазами. Все считают, что это всего лишь хитроумный трюк. Я же фокусник, поэтому зрители уверены, что все мои номера построены на обмане. Фокусники всегда обманывают. Они обманывают вас своей ловкостью. Так что никто мне не верит. Даже доктора, которые завязывают мне глаза самым изощренным способом, отказываются верить, что кто-то может видеть без глаз. Они забывают о том, что могут быть иные пути передачи образа в мозг».

— Что за иные пути? — спросил я.

— Честно говоря, я точно не знаю, как мне удастся видеть с завязанными глазами. Но мне известно одно: когда глаза завязаны, я ими вообще не пользуюсь. Я вижу какой-то другой частью тела.

— Какой? — спросил я.

— Любой, лишь бы была голая кожа. К примеру, если вы поставите передо мной металлический лист, а за ним положите книгу, я не смогу ее прочесть. Но если вы позволите мне выставить руку за этот лист так, чтобы ладонь видела книгу, я ее прочитаю.

— Не возражаете, если мы сейчас попробуем это сделать? — спросил я.

— Ничуть, — ответил он.

— Металлического листа у меня нет, — сказал я. — Но сойдет и дверь.

Я встал и подошел к книжному шкафу. Взял первую попавшуюся книгу. «Алиса в Стране Чудес». Открыл дверь и попросил гостя встать за нею. Раскрыв книгу наугад, я установил ее вертикально на стуле с другой стороны двери. А сам занял положение, из которого видел и его, и книгу.

— Можете прочесть? — спросил я его.

— Нет, — ответил он. — Конечно, нет.

— Ладно. Можете выставить руку за дверь, но только одну ладонь.

Его рука выглянула из-за двери и остановилась напротив книги. Пальцы раздвинулись, слегка задрожали, ощупывая воздух, словно усики насекомого. Потом ладонь повернулась тыльной стороной к книге.

— Попробуйте прочитать левую страницу с самой верхней строчки, — сказал я.

Наступила короткая пауза, а потом он начал читать, гладко, без запинки: «„Так ты отгадала загадку?“ — спросил Шляпа, снова обернувшись к Алисе. „Нет, сдаюсь, — сказала Алиса. — А какой ответ?“ — „Понятия не имею“, — сказал Шляпа. „А я тем более“, — поддержал Заяц. Алиса тяжело вздохнула: „Как вам не стыдно! Неужели ничего лучше нельзя придумать, чем загадки без отгадок? Вам, видно, время совсем не дорого...“».

— Превосходно! — воскликнул я. — Теперь я вам верю! Вы — чудо!

Я был потрясен.

— Спасибо, доктор, — с серьезным видом поблагодарил он. — Мне очень приятно слышать ваши слова.

— Один вопрос, — сказал я, — Насчет игральных карт. Когда перед вами лежит карта рубашкой вверх, вы смотрите на нее рукой с лицевой стороны для того, чтобы увидеть ее?

— Вы весьма проницательны, — улыбнулся он. — Нет. Я действительно каким-то образом вижу сквозь карту.

— Как вы это объясните? — спросил я.

— Я не могу этого объяснить, — покачал он головой. — Наверное, в отличие от металла или двери карта слишком тонкая, слишком легкая, слишком непрочная. Вот и все объяснение, которое могу предложить. На свете много необъяснимого, доктор.

— Да, вы правы, — согласился я.

— А теперь не могли бы вы отвезти меня домой? — попросил он. — Я очень устал.

Я отвез его на машине.

В ту ночь я даже не ложился. Не мог заснуть от волнения. Только что я стал свидетелем чуда. Все врачи мира сойдут с ума, узнав об этом человеке! Он совершит переворот в медицине! С медицинской точки зрения он — самый ценный человек из ныне живущих! Мы, врачи, должны вцепиться в него руками и ногами и беречь, как зеницу ока. Мы должны заботиться о нем. Его нельзя отпускать. Необходимо выяснить, каким образом изображение передается в мозг без помощи глаз. Если нам это удастся, слепые будут видеть, а глухие слышать. Господи, и этот удивительный человек бродит по Индии, живет в дешевых гостиницах и выступает во второсортных цирках!

Я так распалился от этих мыслей, что схватился за тетрадку и карандаш и аккуратно, подробно записал все, что рассказал мне Имрат Хан. Я пользовался своими заметками, набросанными во время разговора. К восьми утра я закончил самую важную часть, которую вы только что прочитали, и отправился в больницу.

С доктором Маршаллом я увиделся только во время перерыва в комнате отдыха.

За десять минут я вкратце пересказал ему события прошлого вечера.

— Вечером я пойду в цирк, — заявил я. — Я обязан поговорить с ним еще раз. Нужно уговорить его остаться здесь. Ни в коем случае нельзя его терять.

— Я пойду с вами, — предложил доктор Маршалл.

— Хорошо, — согласился я. — Сначала посмотрим представление, а потом пригласим его на ужин.

Без четверти семь вечера мы с доктором Маршаллом приехали на улицу Акаций. Я поставил машину на стоянку, и мы вдвоем пошли к «Ройял-Паласу».

— Что-то не так, — сказал я. — Куда все подевались?

У здания не было никакой толпы, а двери зала были закрыты. Афиша висела на прежнем месте, но теперь на ней большими черными буквами было написано: «СЕГОДНЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ОТМЕНЯЕТСЯ». У запертых дверей стоял старый привратник.

— Что случилось? — спросил я у него.

— Умер кто-то, — ответил он.

— Кто? — спросил я, заранее зная ответ.

— Человек, видевший без глаз, — отвечал привратник.

— Как он умер? — закричал я. — Когда? Где?

— Говорят, в постели, — сказал привратник. Лег спать и не проснулся. Такое случается.

Мы медленно побрели к машине. Меня охватило всепоглощающее чувство невосполнимой утраты. Я задыхался от горя и злости. Зачем я вчера отпустил этого уникального человека? Нужно было оставить его у себя и позаботиться о нем. Нельзя было выпускать его из вида, Имрат Хан был чудотворцем. Он общался с таинственными и опасными силами, непостижимыми для обычных людей. Он нарушил все правила. Он творил чудеса на людях. И брал за это деньги. И самое страшное — раскрыл некоторые тайны чужаку, то есть мне. И вот он мертв.

— Значит, такие вот дела, — протянул доктор Маршалл.

— Да, — сказал я. — Все кончено. Никто так никогда и не узнает, как он это делал.

Таков правдивый и точный отчет обо всем, что произошло во время двух моих встреч с Имрат Ханом".

Далее в тетрадке стояли подпись: "Джон Ф. Картрайт, доктор медицины", — и дата: "Бомбей, 4 декабря 1934 г."

— Так-так, — протянул Генри Шугар. — Очень интересно.

Он закрыл тетрадь и посмотрел в окно, за которым хлестал дождь.

— Потрясающая информация, — продолжил он, громко разговаривая с самим собой. — Она может изменить мою жизнь.

Генри имел в виду информацию о том, как Имрат Хан учился видеть значение игральной карты с обратной стороны. Генри был игроком, причем не совсем честным, поэтому сразу понял — если он научится делать то же самое, то заработает кучу денег.

Генри представил себе, какие чудеса он будет творить, если научится видеть карты с обратной стороны. Он станет каждый раз выигрывать в канасту, бридж и покер. Более того, он мог бы пойти в любое казино мира

и сорвать банк в блэк-джек, да и во всех других играх с высокими ставками!

Генри отлично знал, что в казино все зависит от одной последней карты, и если тебе заранее известно, какой будет эта карта, ты — в выигрыше!

Но удастся ли? Сумеет ли он научиться делать такое?

А почему бы и нет? Непохоже, чтобы вся эта белиберда со свечой оказалась таким уж сложным делом. Нужно всего-то смотреть в центр пламени, да концентрироваться на лице самого любимого человека.

Ну, уйдет у него на эту учебу пара-другая лет, но кто на этом свете пожалеет несколько лет, если можно научиться выигрывать в казино, когда только вздумается?

— Ей-богу, — громко воскликнул он, — у меня получится! Я добьюсь своего!

Он тихо сидел в кресле в библиотеке, продумывая план действий. Прежде всего, он никому не скажет о своих замыслах: ему нельзя ни с кем делиться своей задумкой. Он утащит тетрадку из библиотеки, а то неровен час, кто-то из друзей невзначай наткнется на нее и узнает тайну. Он всегда и везде будет носить ее с собой. Она станет его библией. Где он найдет настоящего живого йога, который стал бы его наставлять? Вот книжка и будет ему за йога. Она станет его учителем.

Генри встал и спрятал синенькую школьную тетрадку под пиджак. Вышел из библиотеки и поднялся по лестнице в спальню, предоставленную ему на выходные. Достав чемодан, он положил тетрадку на дно под одежду. Затем снова спустился вниз и направился в буфетную.

— Джон, — обратился он к дворецкому, — можете найти для меня свечу? Обычную белую парафиновую свечку?

Дворецкие приучены не задавать лишних вопросов. Они просто повинуются.

— Подсвечник нужен, сэр?

— Да. Свеча и подсвечник.

— Очень хорошо, сэр. Принести в вашу комнату?

— Нет. Я подожду здесь, пока вы найдете.

Дворецкий быстро отыскал свечу с подсвечником.

— Найдите мне еще и линейку, — попросил Генри. Дворецкий нашел ему линейку. Генри поблагодарил его и вернулся к себе в спальню.

Там закрылся на ключ. Задернул все шторы, и в комнате воцарился полумрак. Поставил подсвечник со свечой на туалетный столик и придвинул кресло. Усевшись, он с удовлетворением отметил, что его глаза находятся как раз на том же уровне, что и фитиль свечи. Потом отмерил по линейке сорок сантиметров от свечи, поскольку в книжке говорилось именно о таком расстоянии между глазами и пламенем свечи.

Этот индийский парень мысленно видел лицо самого любимого человека, каковым для него был брат. У Генри брата не было. Потому он решил вызывать в сознании визуальный образ собственного лица. Выбор оказался удачным, поскольку если быть таким себялюбивым и эгоистичным, как Генри, тогда собственное лицо наверняка и будет лицом самого любимого человека. К тому же это лицо Генри знал лучше всех прочих. Сколько времени он тратил, разглядывая его в зеркале! Знал каждый его изгиб, каждую морщинку.

Он поднес зажигалку к свече и поджег фитиль. Вспыхнуло ровное желтое пламя.

Генри напряженно всматривался в пламя свечи. Книжка была права. У пламени, если к нему приглядеться, три отдельные части. Снаружи оно желтое. Дальше — розовато-лиловая внутренняя оболочка. А прямо в центре — крошечное магическое пятнышко полнейшей черноты. Он не отрываясь смотрел на эту черную точку. Он смотрел и смотрел на нее, и вдруг произошло невероятное. Сознание полностью очистилось от мыслей, мозг перестал цепляться то за одно, то за другое, и внезапно у него возникло ощущение, словно сам он, все его тело оказалось внутри пламени, уютно и удобно устроившись в черном пятнышке небытия.

Образ собственного лица беспрепятственно всплыл в сознании Генри. Он сосредоточился на нем, заставляя себя видеть только его и больше ничего. Он подавил все прочие мысли. Ему это удалось, но лишь секунд на пятнадцать. Потом сознание начало засоряться, и он поймал себя на мысли о казино и огромных деньгах, которые он выиграет. Тогда он отвернулся от свечи и позволил себе отдохнуть.

Так прошла его первая попытка. Его охватило необычайное волнение. Получилось. Правда, ненадолго. Но тот индус тоже немного продержался в первый раз.

Через несколько минут он повторил попытку. Она тоже удалась. У него не было при себе хронометра, но он чувствовал, что на этот раз продержался гораздо дольше.

— Потрясающе! — восторженно воскликнул он. — Все у меня получится! Я этого добьюсь!

Никогда прежде не испытывал он такого волнения.

С этого дня Генри, вне зависимости от того, где находился и чем занимался, взял за обыкновение ежеутренне и ежевечерне практиковаться со свечой. Зачастую он тренировался еще и днем. Впервые в жизни он по-настоящему увлеченно окунулся с головой в какое-то занятие. И заметно продвигался. Через шесть месяцев он мог концентрироваться исключительно на собственном лице в течение не менее трех минут без единого вторжения в сознание какой-то посторонней мысли.

Йог из Хардвара говорил этому индийскому парню, что человеку надо пятнадцать лет тренироваться, чтобы добиться такого результата!

Но минуточку! Тот же йог говорил еще и кое-что иное. Он говорил (и тут Генри в сотый раз старательно сверился с синенькой тетрадкой), он говорил, что в исключительно редких случаях попадаетея особенный человек, способный развить такую способность за год или два.

— Так ведь это про меня! — вскричал Генри. — Точно про меня! Я и есть тот самый один из миллиона, одаренный способностью обретать силы йоги с невероятной быстротой! Гип-гип-ура! Еще немного, и я сорву банк во всех казино Европы и Америки!

Но на этом этапе Генри проявил удивительное терпение и здравомыслие. Он не спешил браться за колоду карт и проверять, сможет ли увидеть значение карты через "рубашку". Он вообще держался поодаль от всяческих карточных игр. Он забыл про бридж, канасту и покер с тех пор, как начал упражняться со свечой. Более того, он больше не появлялся на вечеринках и не проводил выходные со своими богатыми друзьями. Он отдался единственной цели, решив обрести способности и возможности йога, а все прочее могло и подождать, пока он не добьется своего.

На десятом месяце упражнений Генри, как и Имрат Хан в свое время, почувствовал, что может видеть предмет с закрытыми глазами. Когда он закрывал глаза и сосредоточенно смотрел на какой-то предмет, ему удавалось увидеть его очертания.

— Получается! — вскричал он. — Получается! Невероятно!

Теперь он еще упорнее работал над своими упражнениями со свечой, и к концу первого года уже мог сосредотачиваться на образе своего лица в течение не менее пяти с половиной минут!

И тогда он решил, что наконец настало время попробовать себя с картами. Он принял это решение около полуночи в гостиной своей лондонской квартиры. Он взял карточную колоду, карандаш и бумагу. Его тело дрожало от возбуждения. Колоду он положил перед собой лицевой стороной вниз и сосредоточился на самой верхней карте. Сначала он видел только рисунок "рубашки". Весьма заурядный орнамент — тонкие линии красного цвета — один из самых распространенных в мире орнаментов игральных карт. Теперь он сместил свою сконцентрированность с собственно рисунка на обратную сторону карты. Он напряженно сосредотачивался на невидимой изнанке карты, не позволяя при этом ни единой иной мысли просочиться в его сознание. Прошло тридцать секунд.

Потом минута...

Две минуты...

Три...

Генри не шевелился. Концентрация была полной и напряженной. Он пытался мысленно увидеть изнанку игровой карты, отрешившись от всего вокруг.

На четвертой минуте что-то произошло. Медленно, как по волшебству, но очень четко черные значки превратились в пики, и рядом с пиками возникла цифра пять.

Пятерка пик!

Генри отключил свою концентрацию. Трясущимися пальцами схватил карту и перевернул ее. Это была пятерка пик!

— У меня получилось! — заорал он, вскакивая с кресла. — Я видел сквозь нее! Я на верном пути!

Немного отдохнув, он попробовал снова, и на этот раз положил перед собой секундомер, чтобы заметить время. Через три минуты и пятьдесят восемь секунд он "увидел" следующую карту: бубновый король. И угадал!

На следующий раз он опять угадал, и это заняло у него три минуты и пятьдесят четыре секунды. На четыре секунды меньше.

Он вспотел от возбуждения и усталости.

— На сегодня хватит, — сказал он себе. Налил щедрую порцию виски и сел отдохнуть, празднуя успех.

Теперь, размышлял он, ему нужно практиковаться и практиковаться до тех пор, пока он не научится мгновенно видеть карту насквозь. Он был уверен, что у него получится. Как никак, уже на второй попытке ему удалось скинуть четыре секунды. Он бросит упражнения со свечой и сосредоточится исключительно на картах. Будет работать днем и ночью.

Так он и сделал. Но теперь, когда он уже чувствовал запах успеха, когда до удачи, казалось, рукой подать, он стал еще фанатичнее, чем прежде. Он перестал выходить из дома, покидая его разве лишь затем, чтобы купить еды и питья. Весь день напролет и нередко по ночам он склонялся с секундомером над картами и все сокращал и сокращал время, ушедшее у него на чтение карты через "рубашку".

За месяц он довел его до полутора минут.

Полгода он работал, как одержимый, и к концу шестого месяца прочитывал карту за двадцать секунд. Но и это было слишком много. Когда банкомет в казино вытаскивает карту и ждет твоего ответа — возьмешь ты ее или нет, — никто не даст тебе двадцать секунд на размышления. Три или четыре секунды — куда ни шло. Но не дольше.

Генри продолжил свои старания. Но теперь стало все труднее и труднее повышать скорость. Путь от двадцати секунд до девятнадцати забрал у него неделю очень тяжелого труда. С девятнадцати до восемнадцати он шел почти две недели. И свыше семи месяцев прошло, прежде чем он смог отчетливо видеть карту за десять секунд.

Он поставил себе цель — четыре секунды. Он понимал, что пока не научится видеть карту максимум за четыре секунды, на успех в казино рассчитывать нечего. Но чем ближе становилась цель, тем труднее давались следующие шаги. Снизить время с десяти до девяти секунд удалось лишь за четыре недели, а на ускорение с девяти до восьми секунд ушло еще пять недель. Но на этой стадии упорный труд его совсем не раздражал. Его способность сосредотачиваться возросла до того, что он мог работать по двенадцать часов подряд, не испытывая при этом никаких неудобств. И он твердо верил, что поставленная цель ему по силам, и в конечном счете он ее достигнет. Он не остановится, пока не добьется

своего. День за днем, ночь за ночью он согбенно сидел за картами с хронометром в руке и отчаянно сражался с лишними секундами.

Последние три секунды оказались самыми трудными. Чтобы дойти от семи секунд до вожделенных четырех, ему понадобилось целых одиннадцать месяцев!

Великий миг настал в субботний вечер. Перед ним лежала карта, рубашкой вверх. Он щелкнул секундомером и начал сосредотачиваться. И сразу же увидел красные кляксы. Пятна очень скоро обрели очертания и превратились в бубны. И затем, почти сразу же, в левом верхнем углу появилась цифра шесть. Он снова щелкнул секундомером. Отсчитал время. Оказалось, что прошло четыре секунды! И перевернул карту. Шестерка бубен! Удалось! Он прочел карту ровно за четыре секунды!

Он попробовал еще раз, с другой картой. Через четыре секунды он увидел, что это дама пик. Он прошелся по всей колоде, каждый раз не забывая включить секундомер перед очередной картой. Четыре секунды! Четыре секунды! Четыре секунды! Всегда одинаково. Наконец он этого добился! Все. Он готов к делу!

Сколько времени у него на это ушло? Ровно три года и три месяца напряженной работы.

А теперь в казино!

Но когда?

А почему бы не начать прямо сейчас?

Сейчас вечер, суббота. Все казино по субботам к ночи переполнены. Тем лучше. Меньше шансов вызвать подозрения. Он пошел в спальню, переоделся в смокинг и повязал черный галстук. В субботний вечер в большие лондонские казино полагается являться нарядным.

А пойдет он, поразмыслив, решил Генри, в "Лордз-Хауз". В Лондоне больше сотни законных казино, но туда пускают далеко не всех. Сначала нужно стать его членом. Генри числился членом не менее десяти лучших казино. "Лордз-Хауз" нравилось ему более всех прочих. Самое роскошное в стране, и публика самая изысканная.

Казино "Лордз-Хауз" располагалось в великолепном особняке эпохи короля Георга, в самом центре Лондона, более двух столетий он служил личной резиденцией герцогу Эдинбургскому. Теперь тут хозяйничали букмекеры, а в изысканных комнатах с высокими потолками, куда некогда

приходили аристократы, нередко царственных кровей, чтобы сыграть партию-другую в невинный вист, толпились люди совсем иного рода и играли совсем в другие игры.

Генри подъехал к парадному входу и вышел из автомобиля, но двигатель заглушать не стал. К машине тотчас подбежал служитель в зеленой форме, чтобы отогнать ее на стоянку.

На обочинах по обе стороны улицы стояло, наверное, с десяток "Роллс-Ройсов". Только очень состоятельные люди могли позволить себе членство в "Лордз-Хауз".

— Приветствуем вас, мистер Шугар! — воскликнул человек за стойкой, в чьи обязанности входила способность никогда не забывать ни единого лица. — Давненько не было видно!

— Дела, — отвечал Генри.

Он поднялся наверх по роскошной широкой лестнице с резными перилами из красного дерева и вошел в кассу. Там он выписал чек на тысячу фунтов. Кассир выдал ему десять больших розовых пластмассовых жетонов прямоугольной формы. На каждом прямоугольнике значилось: 100 фунтов. Генри опустил их в карман и прошелся по игорным залам, чтобы после долгого отсутствия вновь пропитаться царившей здесь атмосферой. Казино было переполнено. Холеные гладкие женщины окружали вращающееся колесо рулетки, словно откормленные куры, столпившиеся вокруг кормушки. На груди и запястьях у них сверкали золото и драгоценные камни. Волосы у многих отливали синевой. Мужчины были в смокингах, и среди них не было ни одного высокого. Интересно, удивлялся Генри, почему у всех богатых завсегдатаев казино короткие ноги? Они словно бы кончаются на коленях. У большинства из них неизменно большие животы, багровые лица и сигары в зубах. В глазах сверкает алчность.

Впервые в жизни Генри с презрением наблюдал за типичными богатыми любителями азартных игр и завсегдатаями казино. Прежде он всегда видел в них компаньонов, товарищей, представителей того же сословия и того же класса, к которому относил и себя самого. Сегодня вечером они казались ему невыносимо вульгарными.

Неужели он изменился благодаря трехлетним занятиям йогой, недоумевал Генри.

Он встал у рулетки. Народ выкладывал жетоны на длинный зеленый стол, сиюсь угадать, куда угодит маленький белый шарик, соскочив с колеса на следующем его обороте. Генри поглядел на колесо. И вдруг, наверное, больше по привычке, чем почему-нибудь еще, он поймал себя на том, что начал концентрироваться на этом механизме. Это было нетрудно. Он упражнялся в искусстве полнейшей сосредоточенности столько времени, что это для него стало чем-то будничным и привычным. За долю секунды его сознание полностью сосредоточилось исключительно на колесе; Все прочее, на что можно было бы обратить внимание в этом помещении, — шум, люди, освещение, запах сигарного дыма — все это исчезло из его сознания, и он видел только белые цифры вдоль обода. Числа шли подряд, от 1 до 36, а между 36 и 1 красовался маленький нолик. Очень скоро все цифры расплылись и исчезли из поля зрения. Все числа, кроме одного лишь числа — 18. Только две эти цифры он видел. Сначала слегка мутновато, словно бы не в фокусе. Потом края цифр вырисовались четче, и белизна их постепенно становилась ярче, светлее, а под конец они вообще заблестели, словно подсвечиваемые сзади. И выросли, и продолжали расти. Будто бы летя или прыгая к нему. И тут Генри отключил свою концентрацию. Помещение вновь поплыло перед глазами — вернулось обычное зрение.

— Все поставили? — донесся до него голос крупье.

Генри вынул стофунтовый жетон из кармана и положил его на квадрат с цифрой 18 на зеленом столе. Хотя весь стол был заставлен жетонами других игроков, на квадрате с цифрой 18 лежал только один его кусочек пластмассы.

Крупье запустил колесо. Маленький белый шарик подскакивал и бегал туда и сюда по ободу. Игроки напряженно следили за ним. Все взгляды были устремлены на шарик. Вращение колеса замедлялось. Наконец оно остановилось. Шарик попрыгал еще немного, а потом ловко скатился в сектор под номером 18.

— Восемнадцать! — объявил крупье.

Толпа вздохнула. Помощник крупье сгреб кучки проигравших жетонов деревянным совком с длинной ручкой. Но прямоугольник Генри остался на столе, Ему заплатили в соотношении тридцать шесть к одному. Три тысячи шестьсот фунтов за одну его сотню. Ему выдали три жетона достоинством в тысячу и шесть сотенных.

Генри переполняло ощущение собственного могущества. Он почувствовал, что может разорить это заведение, если захочет. Он мог бы за считанные часы сокрушить этот разукрашенный кичливый дорогой притон для сильных мира сего. Он мог бы с легкостью выиграть миллион, и все эти лощеные господа с каменными лицами и большими деньгами разбежались бы, как перепуганные крысы.

Может, попробовать?

Соблазн велик.

Но на том бы все и кончилось. Он завоевал бы себе дурную славу, и его больше не пустили бы ни в одно казино мира. Не стоит этого делать. Наоборот, он должен вести себя крайне осторожно и не привлекать внимания.

Генри непринужденно покинул зал для игры в рулетку и прошел в зал, где играли в блэк-джек. Он встал в дверях, наблюдая за происходящим. Играли за четыремя столами. Эти столы для игры в блэк-джек имели странную форму полумесяца, игроки сидели на высоких стульях на выпуклой стороне, а банкометы стояли внутри полумесяца.

Карточные колоды (в "Лордз-Хауз" играли сразу четыремя колодами) лежали в раскрытой шкатулке, которая называлась "башмак", и банкомет по одной вытаскивал карты из этого самого "башмака"... "Рубашка" верхней карты в "башмаке" всегда была видна, но остальные карты не просматривались.

Блэк-джек, как принято считать, игра очень простая. Нам с вами она известна еще и под другими названиями: "очко", "двадцать одно" или, на французский манер, "венетон". Игрок набирает карты так, чтобы сумма очков максимально приблизилась к двадцати одному, но если он наберет больше двадцати одного, то сразу проиграет. Практически при каждой сдаче перед игроком стоит вопрос — прикупить еще одну карту с риском, что у него будет перебор, или остаться с тем, что есть? Но для Генри это не проблема. За четыре секунды он сумеет "увидеть насквозь" ту карту, которую собирается сдать ему банкомет, и поймет, сколько поставить на кон. Генри способен превратить блэк-джек в фарс.

Во всех казино принято нелепое правило насчет объявления ставки в блэк-джек, которого мы не придерживаемся дома. Дома мы сначала смотрим свою карту и, если карта хорошая, делаем большую ставку. В казино вам такого не разрешат. Там надо сначала поставить деньги на кон, и лишь

после этого банкомет выдаст первую карту. Более того, не разрешается и потом увеличивать свою ставку, прикупая карту.

Но все эти сложности — больше не помеха для Генри, Нужно только сесть рядом с банкометом слева, тогда при каждой раздаче он получит первую карту из "башмака". Он успеет "прочитать" карту прежде, чем делать ставку.

Итак, Генри спокойно стоял в дверях, дожидаясь, когда за одним из четырех столов освободится место по левую руку банкомета. Пришлось ждать целых двадцать минут, но в итоге он получил то, что хотел.

Взгромоздясь на высокий стул, он протянул один из выигранных им в рулетку тысячефунтовых прямоугольников.

— Двадцатипятифунтовых на все, — сказал он.

Банкомет, моложавый мужчина с черными глазами и серой кожей, никогда не улыбался и говорил только по необходимости. Казалось, в его тонкие пальцы встроено арифметическое устройство. Он взял жетон Генри и опустил его в прорезь на столе. На деревянном подносе перед ним лежали аккуратные ряды фишек разного цвета, фишки по 25, 10 и 5 фунтов, наверное, по сотне фишек каждого достоинства. Банкомет подхватил стопку двадцатипятифунтовых фишек, зажав их между большим и указательным пальцами, и выложил высоким столбиком на столе.

Пересчитывать их он не стал, Он знал, что в столбике ровно двадцать фишек. Его ловкие пальцы могли с абсолютной точностью захватить любое количество фишек, от одной до двадцати, и ни разу не ошибиться. Банкомет взял еще одну стопку из двадцати фишек, и теперь их стало сорок. Он подвинул оба столбика к Генри.

Генри сложил фишки перед собой и одновременно бросил взгляд на верхнюю карту в "башмаке". Он переключил мозг на концентрацию и за четыре секунды увидел, что это десятка. И поставил на кон восемь фишек из своей кучки, двести фунтов. Выше ставки в блэк-джек в "Лордз-Хауз" не было.

Получив "десятку", он взял вторую карту, "девятку" — в итоге получилось девятнадцать.

На девятнадцати все останавливаются. Ерзаешь на стуле и надеешься, что банкомет, в свою очередь, не наберет двадцать или двадцать одно.

Поэтому когда банкомет, сделав круг, вернулся к Генри и услышал; "Девятнадцать", — то сразу перешел к следующему игроку.

— Подождите, — остановил его Генри. Банкомет замер и повернулся к Генри. Удивленно подняв брови, он окинул Генри взглядом своих бесстрастных черных глаз.

— Желаете прикупить к девятнадцати? — с легким оттенком сарказма поинтересовался он.

Он говорил с итальянским акцентом, и помимо сарказма в его голосе слышалось презрение. В колоде всего две карты, которые можно прикупить к девятнадцати без риска перебора, — туз (одно очко) и двойка. Только глупец рискнул бы вытянуть еще одну карту, имея на руках девятнадцать, особенно если на кону две сотни.

Генри отчетливо видел следующую карту в "башмаке". По крайней мере ее "рубашку". Банкомет к ней еще не притронулся.

— Да, — кивнул Генри. — Пожалуй, возьму еще одну.

Банкомет пожал плечами и выдернул карту из "башмака". Рядом с двумя прежними картами ровно легла трефовая двойка.

— Благодарю вас, — сказал Генри. — Ее-то мне и не хватало.

— Двадцать одно, — объявил банкомет. Его взгляд вновь скользнул по лицу Генри, черные глаза смотрели на него настороженно и озадаченно. Генри вывел его из равновесия. Ни разу в жизни он не видел, чтобы кто-нибудь прикупал карту к девятнадцати. А этот парень прикупил к девятнадцати с поразительным хладнокровием и уверенностью. И ведь выиграл.

Генри поймал взгляд банкомета и сразу же понял, что совершил глупейшую ошибку. Он оказался слишком умен и тем самым привлек к себе внимание. Впредь следует вести себя более осмотрительно. В будущем он должен крайне осторожно пользоваться своими способностями. Иногда нужно даже проигрывать и время от времени совершать нелепые поступки.

Игра продолжалась. Преимущество Генри оказалось столь огромным, что он с трудом удерживал свои выигрыши в пределах разумной суммы. То и дело он просил третью карту, хотя заведомо знал, что она будет лишней. А однажды, увидев, что первая карта — это туз, выбрал самую маленькую ставку, а потом устроил недурной спектакль, вслух проклиная себя за недалёковидность, помешавшую ему сразу же объявить самую большую ставку.

За час он выиграл ровно три тысячи фунтов и на этом остановился. Он положил фишки в карман и направился в конторку кассира, чтобы обменять их на настоящие деньги.

Он заработал 3000 фунтов на блэк-джеке и 3600 фунтов на рулетке. Всего 6600 фунтов. Ничего бы не стоило заполучить хоть 660 000. В самом деле, сказал он себе, наверняка теперь во всем мире никому не под силу делать деньги быстрее, чем это может он, Генри Шугар.

Кассир, не моргнув глазом, забрал у Генри кучку фишек и прямоугольников. В его блеклых глазах за стеклами очков в стальной оправе не мелькнуло и тени интереса к Генри. Глаза видели только фишки на стойке. В пальцы этого человека тоже было встроено арифметическое устройство. И не только. Арифметика, тригонометрия, математический анализ, алгебра и эвклидова геометрия таились в каждом нерве его тела. Он функционировал как человеческая вычислительная машина с сотней тысяч электрических проводов в мозгу. За пять секунд он обчислил все сто двадцать фишек Генри.

— Предпочитаете получить чек, мистер Шугар? — спросил он. Кассир, как и портье за стойкой внизу, знал всех членов казино поименно.

— Нет, благодарю вас, — ответил Генри. — Я возьму наличными.

— Как вам угодно, — произнес голос, и его обладатель повернулся и направился к сейфу, стоявшему в недрах конторы и скрывавшему в своих внутренностях, должно быть, миллионы.

Для казино "Лордз-Хауз" деньги, выигранные Генри, были каплей в море. В Лондоне хватало арабских нефтяных шейхов, обожавших азартные игры. А также дипломатов с Дальнего Востока с сомнительной репутацией, японских бизнесменов и уклоняющихся от уплаты налогов британских воротил рынка недвижимости. Ежедневно в крупных лондонских казино выигрывали и проигрывали безумные суммы, по большей части проигрывали.

Вернулся кассир с деньгами Генри и положил пачку банкнот на стойку. Этих денег хватило бы в те годы на покупку небольшого дома или огромного автомобиля, однако главный кассир "Лордз-Хауз" смотрел на них с полным равнодушием. С таким же видом он мог бы передать Генри пачку жевательной резинки.

Погоди же, дружок, подумал про себя Генри, раскладывая деньги по карманам. Дождешься у меня... И вышел.

— Машину, сэр? — спросил стоявший на выходе человек в зеленой форме.

— Пока нет, — сказал ему Генри. — Пожалуй, я немного подышу воздухом.

И неторопливо побрел по улице. Время близилось к полуночи, Стоял прохладный и приятный вечер, Огромный город еще не спал. Деньги оттягивали карман смокинга. Генри нежно похлопал по нему рукой. Куча денег за час работы.

А что дальше?

Каким станет его следующий ход? Он мог бы сделать миллион за Месяц. И даже больше, если б захотел. Нет предела его возможностям.

Бредя по лондонским улицам и вдыхая ночную прохладу, Генри задумался над следующим своим ходом.

Если бы наша история была не правдой, а вымыслом, автору пришлось бы придумать захватывающую и неожиданную развязку. Затруднений особых не возникло бы. Что-нибудь драматичное и необычайное. Поэтому прежде чем поведать о том, что действительно случилось с Генри в реальной жизни, давайте ненадолго остановимся и посмотрим, как опытный беллетрист мог бы закончить это повествование. Его соображения выглядели бы примерно так:

1. Генри должен умереть. Подобно Имрат Хану до него, он нарушил кодекс чести йогов и воспользовался возможностями йоги ради личной выгоды.
2. Лучше всего ему умереть каким-то необычным и любопытным образом, что удивит читателя.
3. К примеру, возвращается он домой, пересчитывает деньги и радуется своей победе. Внезапно ему становится нехорошо. Боль сдавливает грудь.
4. Ему страшно. Нужно немедленно лечь в постель и отдохнуть, думает он. Раздевается. Голышом идет к шкафу за пижамой. Проходит мимо высокого, во весь его рост, зеркала у стены. Останавливается. Разглядывает отражение своего нагого тела. Непроизвольно, в силу привычки начинает концентрироваться. А потом...
5. Вдруг он видит сквозь свою кожу. Точно так же он видел карты в казино. Словно рентгеновский снимок, только намного лучше.

Рентгеновские лучи обнаруживают только кости и уплотнения, а Генри видит все.

Он видит артерии и вены, видит, как по ним циркулирует кровь. Он видит свою печень, почки, кишёчник, видит, как бьется его сердце.

6. Он рассматривает то места в груди, откуда приходит боль... и видит... или ему кажется, что он видит... маленький темный сгусток внутри большой вены, подходящей к сердцу справа. Что делает этот темный комочек внутри кровеносного сосуда? Должно быть, что-то перегородило вену. Наверное, — сгусток крови. Тромб!

7. Поначалу тромб как будто бы стоит на месте, Пот том начинает двигаться. Его движение едва заметно, тромб смещается на миллиметр-два. Кровь в вене давит на тромб сзади и подталкивает его вперед. Он резко сдвигается на полтора сантиметра! Вверх, по направлению к сердцу. Генри в ужасе. Все знают, что тромб, оторвавшийся от стенки сосуда и пустившийся в вольное плавание вдоль вены, рано или поздно доберется до сердца. Если тромб достаточно велик, то он закупорит сердце, и человек, скорее всего, умрет...

Неплохой конец для романа, но наша история — не вымысел. В ней все — правда. Выдуманы лишь имя и фамилия героя, а также название казино. Необходимо сохранить настоящее имя Генри в тайне. Оно до сих пор нуждается в защите. И в силу очевидных причин мы не можем сообщить настоящее название казино. А все остальное — чистая правда.

Коль скоро мы повествуем о подлинных событиях, то и конец истории должен быть правдивым. Возможно, истинная развязка покажется вам не столь драматичной и замысловатой, как концовка художественного произведения, но тем не менее она очень интересна. Вот что произошло в действительности.

Погуляв с добрый час по улицам Лондона, Генри вернулся к казино, забрал свою машину и поехал домой. При этом он был озадачен. Как же это так? Такой грандиозный успех, а он почти не взволнован, вообще почти ничего не чувствует. Случись с ним что-либо в этом роде три года назад, прежде чем он затеял эти занятия йогой, он с ума бы сходил от радостных переживаний. Плясал бы на улице и понесся бы в ближайший ночной клуб, чтобы отметить такое дело шампанским.

Самое смешное, что на самом деле он вообще не испытывал радости. Ему было грустно. Как-то уж очень легко все получилось. Всякий раз, когда он

объявлял ставку, он был уверен в выигрыше. Ни дрожи, ни напряженного ожидания, ни страха проиграть. Разумеется, он понимал, что теперь может ездить по всему свету и выигрывать миллионы. Но так ли это интересно?

Генри вдруг осенило — если ты получаешь все, что хочешь, это не доставляет никакой радости. Особенно, если речь идет о деньгах.

И еще одно. Что если путь, который он проделал, стремясь овладеть способностями йога, полностью изменил его мировоззрение?

Очень может быть.

Приехав домой, Генри сразу же лег спать.

На следующее утро он поднялся поздно. Но чувствовал себя столь же подавленно, как и прошлой ночью. А выбравшись из постели и увидев огромную пачку банкнот, которая так и валялась на туалетном столике, он вдруг почувствовал острое отвращение к ним. Они ему не нужны. Он не мог объяснить почему, но факт оставался фактом: ему не нужно ни единого фунта из этой кучи.

Он взял в руки пачку. Триста тридцать банкнот по двадцать фунтов. Он вышел на балкон в темно-красной шелковой пижаме и посмотрел вниз.

Генри жил на улице Керзон, находящейся прямо в центре самого фешенебельного и дорогого района в Лондоне, знаменитого Мейфэр. Одним концом улица упирается в Беркли-сквер, другим — в Парк-лейн. Генри жил на третьем этаже, и в его спальне имелся нависавший над улицей балкончик со стальными поручнями.

Был июнь месяц, все утро наполнилось солнечным сиянием, а часы показывали около одиннадцати. Хотя день был воскресный, гуляющих на тротуарах внизу было очень мало.

Генри вытащил одну двадцатифунтовую банкноту из пачки и бросил с балкона. Ветерок подхватил ее и понес в сторону Парк-лейн. Генри следил за ее полетом. Она кружилась и порхала в воздухе и, наконец, плавно опустилась на другой стороне улицы под ноги старику. Старик в длинном коричневом поношенном плаще и шляпе с обвисшими полями медленно брел по тротуару. Заметив порхающую перед носом банкноту, старик остановился и нагнулся за ней. Он схватил ее обеими руками и уставился на нее. Осмотрел ее со всех сторон. Поднес поближе к глазам. Потом поднял голову и поглядел вверх.

— Эй, вы там! — закричал Генри, сложив ладонь рупором. — Это вам! Подарок!

Старик встал, как вкопанный, держа банкноту перед собой и вглядываясь в фигуру на балконе.

— Положите ее в карман! — кричал Генри. — Отнесите домой! — Его голос разнесся далеко по всей улице, и немногочисленные прохожие, останавливаясь, задирали головы и смотрели вверх.

Генри взял вторую банкноту и бросил ее вниз. Зеваки внизу не двинулись с места. Только глядели. И не могли взять в толк, что происходит... Какой-то человек что-то кричал сверху с балкона, потом скинул вниз вроде бы на вид бумажку. Все следили за полетом клочка бумаги, который, порхая, слетел вниз и на этот раз опустился близ юной пары, стоявшей, держась за руки, на тротуаре по ту сторону улицы. Молодой человек выпустил подругу и потянулся за бумажкой. Не поймал ее и поднял уже с земли. Внимательно ее осмотрел. Зеваки во все глаза уставились на юношу. Многим бумажка показалась очень похожей на банкноту, и им не терпелось узнать, угадали ли они.

— Это двадцатка! — завопил парень, подпрыгивая от радости. — Банкнота в двадцать фунтов!

— Оставьте ее себе! — крикнул ему Генри. — Она ваша!

— Вы серьезно? — прокричал в ответ тот, вытягивая руку с зажатой в кулаке банкнотой, — Можно взять, правда?

Внезапно улицу охватило волнение, все сразу засуетились. Прохожие выбежали на мостовую и столпились под балконом. Вытянув руки, они стали кричать:

— А мне?! А нельзя ли теперь и мне?! Скинь нам еще, дяденька! Еще немножко!

Генри снял сверху еще пять или шесть бумажек и швырнул их в толпу.

Люди кричали и вопили, пока подхваченные ветром банкноты медленно спускались вниз, и когда они, наконец, коснулись чьих-то рук, на улице образовалась самая настоящая свалка. Но все происходило очень добродушно. Народ веселился и хохотал. Как же, розыгрыш такой, что уму непостижимо. На третьем этаже стоит человек в пижаме и бросает на ветер такие ценные бумажки.

Но события развивались.

Новости разносятся по улицам большого города с невообразимой скоростью. Весть о том, что творит Генри, молнией пронеслась по улице Керзон, от одного края до противоположного, и перелетела в соседние улицы и переулки. Со всех сторон стали сбегаться люди. Собравшаяся за какие-то считанные минуты под балконом толпа в добрую тысячу мужчин, женщин и детей перекрыла улицу и сорвала все уличное движение. Водители автомобилей, которым толпа преграждала путь, выходили из машин и присоединялись к пешеходам. И внезапно на улице Керзон воцарился беспорядок.

Тогда Генри просто поднял руки вверх, взмахнул ими и выпустил всю пачку банкнот. Бумажки закружились в воздухе, плавно опускаясь в руки визжащей толпе.

Что тут началось! Люди стали подпрыгивать, чтобы перехватить деньги еще на лету, все толкались, пихались, кричали и падали друг на друга, и вскоре вся площадка под балконом превратилась в беспорядочное скопление извивающихся, вопящих, дерущихся людей.

Вдруг сквозь шум Генри услышал громкий звонок в дверь; Он ушел с балкона и открыл дверь. За ней, подбоченясь, стоял огромный черноусый полицейский.

— Вы! — рассерженно рявкнул он. — Что это вы себе позволяете?

— Доброе утро, офицер, — поздоровался Гёнри. — Мне очень жаль, что собралась толпа. Я и не думал, что так получится. Просто хотел избавиться от кое-каких денег.

— Вы вызвали нарушение общественного порядка! — рычал полисмен. — Создали пробку! Заблокировали всю улицу!

— Я же сказал, что прошу прощения, — отвечал Генри. — Я больше не буду, обещаю. А они скоро разойдутся.

Полицейский оторвал одну руку с бедра и показал двадцатифунтовую бумажку.

— Ага! — закричал Генри. — Вам тоже одна досталась! Мне очень приятно! Я так рад за вас!

— Хватит валять дурака! — сказал полицейский. — У меня есть к вам несколько серьезных вопросов по поводу этих двадцаток. — Он достал блокнот из нагрудного кармана. — Во-первых, — продолжил он, — где вы их взяли?

— Выиграл, — ответил Генри. — Мне очень везло вчера вечером. — Он назвал клуб, где выиграл деньги, и полицейский записал это в блокнот. — Можете проверить, — добавил Генри. — Они подтвердят, что это правда.

Полицейский спрятал блокнот и посмотрел Генри в глаза.

— Вообще-то, я вам верю, — сказал он. — Думаю, вы говорите правду. Но это ничуть вас не извиняет.

— Я не делал ничего дурного, — сказал Генри.

— Полный идиот! — снова раскипятился полицейский. — Вы осел и тупица! Если вам повезло выиграть огромную сумму денег, а теперь вы решили от них избавиться, незачем швырять их в окно!

— А почему нет? — широко ухмыльнулся Генри. — От денег можно избавляться любым способом. И этот ничуть не хуже других.

— Глупый, дурацкий способ! — возмутился полицейский. — Почему бы вам не пожертвовать их на какое-то доброе дело? Отдать, их в больницу, скажем? Или в сиротский приют? По всей стране полно приютов, у которых нет денег даже на подарки детям к Рождеству! И тут появляется умник вроде вас, который даже не представляет, что такое жить в нищете, и выбрасывает деньги на улицу! Меня это бесит!

— Сиротский приют? — переспросил Генри.

— Да, приют! — вскричал полицейский. — Я сам вырос в приюте, и мне ли не знать, что это такое! — С этими словами полицейский повернулся и стал быстро спускаться по лестнице на улицу.

Генри не пошевелился. Слова полицейского и, еще больше, неподдельная ярость, с которой они были произнесены, подействовали на нашего героя как удар между глаз.

— Сиротский дом? — вслух произнес он. — А что, это мысль. Но почему только один приют? Почему не множество сиротских домов?

В его голове молниеносно созрел великий и чудесный замысел, который все изменит.

Генри запер входную дверь и вернулся в комнату. Сердце бешено колотилось, внутри все бурлило. Он мерил шагами комнату, отмечая в уме пункты, с помощью которых он воплотит свою замечательную идею в жизнь.

— Раз, — загнул палец он. — Я могу выигрывать очень крупную сумму денег каждый день.

Два. Мне нельзя появляться в одном и том же казино чаще раза в год.

Три. Нельзя выигрывать слишком много в одном казино, не то кто-нибудь заподозрит неладное. Думаю, что не стоит перешагивать за предел тысяч двадцати за вечер.

Четыре. Двадцать тысяч фунтов за вечер умножить на триста шестьдесят пять дней — сколько получится за год?

Генри взял бумагу и карандаш и подсчитал. Семь миллионов триста тысяч фунтов.

— Очень хорошо. Пункт номер пять. Я все время должен перемещаться. Не более двух или трех вечеров подряд в одном городе, не то пойдут слухи. Еду из Лондона в Монте-Карло. Потом в Канны. В Биарриц. В Довилль. В Лас-Вегас. В Мехико. В Буэнос-Айрес. В Нассау. И так далее.

Шесть. На выигранные деньги я построю первоклассные приюты в каждой стране, куда заезжаю. Я стану Робин Гудом. Буду отнимать деньги у букмекеров и владельцев игорных домов и отдавать их детям. Звучит слащаво и сентиментально? Если об этом просто мечтать, то да. Но если я способен претворить эту идею в жизнь, то в ней нет ни капли слащавости или сентиментальности. Это будет нечто грандиозное.

Семь. В одиночку мне не справиться. Нужен человек, который будет сидеть дома, распоряжаться всеми этими деньгами, покупать дома и заниматься организацией всего дела. Человек, умеющий работать с деньгами. Которому я могу доверять. Как насчет Джона Уинстона?

Джон Уинстон был бухгалтером Генри. Он занимался его подоходными налогами, капиталовложениями и прочими делами, связанными с деньгами. Генри знал его восемнадцать лет, и за эти годы они подружились. Однако не забывайте, что до сих пор Джон Уинстон знал Генри только как богатого праздного повесу, не работавшего ни единого дня в своей жизни.

— Должно быть, вы тронулись умом, — сказал Джон Уинстон после того, как Генри посвятил его в свой замысел. — Никто еще не придумал систему разгрома казино.

Генри извлек из своего кармана новую нераспечатанную карточную колоду.

— Давайте попробуем, — предложил он. — Сыграем по маленькой в блэк-джек. Вы сдаете. И не говорите мне, что карты меченые. Это новая колода.

Целый час двое мужчин в конторе Уинстона с окнами, выходящими на Беркли-сквер, сосредоточенно играли в блэк-джек. Вместо фишек они взяли спички, одна спичка стоила двадцать пять фунтов. Пятьдесят минут спустя Генри разбогател ни много ни мало — на тридцать четыре тысячи фунтов!

Джон Уинстон отказывался верить в случившееся.

— Как вам это удастся? — изумленно спросил он.

— Положите колоду на стол, — велел Генри. — Лицевой стороной вниз.

Уинстон повиновался.

Генри на четыре секунды сосредоточился на верхней карте.

— Валет червей, — сказал он. И не ошибся.

— Следующая... тройка червей.

Снова угадал. Так он перечислил все карты в колоде.

— Расскажите, как вы это делаете, — попросил Джон Уинстон.

Этот обычно спокойный человек с математическим складом ума перегнулся через стол, глядя на Генри круглыми блестящими глазами.

— Вы понимаете, что вытворяете совершенно немислимые вещи? — спросил он.

— В мире нет ничего невозможного, — ответил Генри. — Да, этому очень трудно научиться. Кроме меня, нет на свете человека, способного на такое.

На столе Джона Уинстона зазвонил телефон. Он поднял трубку и сказал своей секретарше:

— Пожалуйста, ни с кем меня не соединяйте, Сьюзан. Пока я не скажу. Нет, даже с женой.

Он поднял глаза на Генри, ожидая продолжения.

Генри объяснил Джону Уинстону, каким образом он приобрел эту способность. Он рассказал, как наткнулся на тетрадку, как узнал историю Имрат Хана, и поведал о своей непрерывной работе, о том, как в течение трех лет он тренировал сознание, заставляя его концентрироваться.

— А по углям ходить не пробовали? — поинтересовался Джон Уинстон, когда Генри закончил свой рассказ.

— Нет, — ответил Генри. — И не собираюсь.

— А с чего вы взяли, что сумеете угадать карты в казино?

Тогда Генри рассказал ему о своем посещении "Лордз-Хауз" накануне вечером.

— Шесть тысяч шестьсот фунтов! — взвился Джон Уинстон. — Неужели вы в самом деле выиграли столько денег?

— Послушайте, — усмехнулся Генри. — Я ведь только что меньше чем за час выиграл у вас тридцать четыре тысячи фунтов!

— Да, верно.

— Шесть тысяч — это самое малое, что я мог выиграть, — сказал Генри. — Мне жутких усилий стоило не выиграть больше.

— Вы станете самым богатым человеком на свете.

— Да не хочу я становиться самым богатым человеком на свете, — отмахнулся Генри. — Больше уже не хочу.

И посвятил Уинстона в свой план по поводу сиротских приютов.

— Поможете мне, Джон? Будете моим казначеем, банкиром, управляющим и всем прочим? — предложил Генри, завершив свой рассказ. — Каждый год на наш счет будут поступать миллионы.

Джон Уинстон, осторожный и предусмотрительный бухгалтер, никогда не давал согласия под влиянием минуты.

— Мне бы хотелось сначала посмотреть на вас в деле, — ответил он.

Так что вечером они вместе отправились в "Ритц" на улице Керзон.

— Какое-то время мне не стоит появляться в "Лордз-Хауз", — пояснил Генри.

На первом обороте колеса рулетки Генри поставил сто фунтов на номер 27. И выиграл. Другой раз он поставил на четвертый номер, И снова выиграл. Итого: 7500 фунтов прибыли.

Стоявший рядом с Генри араб сказал:

— Я только что проиграл пятьдесят пять тысяч фунтов. Как вам это удается?

— Повезло, — пожал плечами Генри. — Просто повезло.

Потом они перешли в зал для игры в блэк-джек, и там за полчаса Генри выиграл еще 10.000 фунтов. И на этом остановился.

— Теперь я вам верю. И готов работать с вами, — произнес потрясенный Джон Уинстон, когда они вышли на улицу.

— Начинаем завтра, — сказал Генри.

— Вы в самом деле собираетесь проделывать это каждый вечер?

— Да, — ответил Генри. — Мне придется часто переезжать с места на место, из страны в страну. И каждый день я буду пересылать вам свои выигрыши банковским переводом.

— Вы хоть представляете, о каких суммах идет речь?

— О миллионах, — с готовностью ответил Генри. — Около семи миллионов в год.

— В таком случае я не смогу работать в этой стране, — заявил Джон Уинстон. — Большая часть прибылей будет уходить на налоги.

— Поезжайте в любую другую страну, — согласился Генри. — Мне без разницы. Я вам полностью доверяю.

— Поеду в Швейцарию, — решил Джон Уинстон. — Но не завтра. Я не могу просто собраться и улететь. Я же не свободный холостяк, вроде вас, у меня обязательств полно. Надо поговорить с женой и детьми. Известить партнеров по фирме о своем увольнении. Продать дом. Найти другой в Швейцарии. Детей из школы забрать. На все это нужно время!

Генри вытащил из кармана те семнадцать с половиной тысяч, которые только что выиграл, и протянул деньги товарищу.

— Вот кое-какая мелочевка. Перебьетесь, пока суд да дело. Но не тяните. Хочется начать поскорее.

Через неделю Джон Уинстон уже был в Лозанне, в конторе на высоком склоне холма с очаровательным видом на Женевское озеро. Семья должна была приехать к нему при первой же возможности.

И Генри приступил к работе.

За год он перевел Джону Уинстону в Лозанну чуть более восьми миллионов фунтов. Деньги переводились пять дней в неделю на счета швейцарской компании "Орфанаж С.А.", то есть "АО Сиротские Дома".

Никому, кроме Джона Уинстона и Генри, не было известно, откуда поступают деньги и для какой цели. Что до швейцарских властей, так их никогда не интересует, откуда берутся деньги. Генри переводил деньги через банки. Перевод в понедельник всегда оказывался внушительнее прочих, потому что Генри включал в него выигрыши не только за пятницу, но и за субботу и воскресенье, когда банки не работают. Он передвигался по свету с ошеломительной быстротой, и зачастую Джон Уинстон догадывался о его местопребывании только по адресу банка, со счетов которого поступали деньги в тот или иной день. Сегодня деньги могли прийти, скажем, из банка Манилы. Завтра из Бангкока. Они поступали из Лас-Вегаса, Кюрасао, Фрипорта, с Каймановых островов, из Сан-Хуана, Нассау, Лондона, Биаррица. Они приходили отовсюду, из всех городов мира, в которых были крупные казино.

Семь лет все шло замечательно. В Лозанну прибыло почти пятьдесят миллионов фунтов, которые переводились на счета в надежных банках. Джон Уинстон учредил три сиротских приюта — во Франции, в Англии и в Соединенных Штатах. И еще пять были на подходе.

Потом начались мелкие неприятности. У владельцев казино хорошо налажена система обмена информацией, и хотя Генри всегда соблюдал предельную осторожность и никогда не выигрывал чересчур много за один вечер в одном месте, все же в конце концов о нем пошла молва.

Его умудрились вычислить однажды вечером в Лас-Вегасе, когда Генри неосмотрительно выиграл по сто тысяч долларов в трех разных казино, которые, как оказалось, принадлежали одной шайке.

А потом произошло вот что. На следующее утро, когда Генри в гостиничном номере собирался в аэропорт, в дверь постучали. Вошел коридорный и шепотом сообщил Генри, что в вестибюле его ожидают двое. Другие сторожат черный ход. Серьезные люди, доложил коридорный, и у Генри мало шансов уцелеть, если он сейчас выйдет на лестницу.

— С какой стати вы меня предупреждаете? — поинтересовался Генри. — Почему вы на моей стороне?

— Я ни на чьей стороне, — ответил тот. — Но всем известно, что вчера вечером вы выиграли кучу денег, и я подумал, что могу рассчитывать на щедрый подарок, если помогу вам улизнуть отсюда.

— Спасибо, — поблагодарил Генри. — Но как мне выбраться? Я заплачу вам тысячу долларов, если вы мне поможете.

— Легко, — обрадовался коридорный. — Скидывайте вашу одежду и надевайте мою форму. Потом выйдете через вестибюль со своим чемоданчиком. Только сначала свяжите меня. Лучше я полежу тут на полу связанный по рукам и ногам, а то они догадаются, что это я вам помог смыться. Скажу, что у вас был пистолет и я ничего не мог сделать.

— Где взять веревку? — спросил Генри.

— У меня в кармане, — расплылся в улыбке коридорный.

Генри надел зелено-золотую униформу коридорного, которая пришлась ему почти впору. Потом крепко связал парня и затолкал носовой платок ему в рот. Спрятал десять стодолларовых банкнот под ковром, чтобы коридорный смог забрать их потом.

Внизу в вестибюле двое приземистых, толстых черноволосых головорезов внимательно оглядывали каждого, кто выходил из лифта. Но они едва удостоили взглядом человека в зеленой с золотом форме и с чемоданчиком в руке, который уверенной походкой прошел через вестибюль и скрылся за крутящейся дверью на улице.

В аэропорту Генри поменял прежде запланированный маршрут и купил билет на следующий рейс в Лос-Анджелес. Похоже, что впредь дела пойдут не так хорошо, сказал он себе. Но коридорный подсказал ему интересную мысль.

Прилетев в Лос-Анджелес, Генри направился в Голливуд и Беверли-Хиллз, где живут киношники, и занялся поисками лучшего гримера. Им оказался Макс Энгельман; Генри нанес ему визит. И тот понравился ему с первого взгляда.

— Сколько вы зарабатываете? — спросил у него Генри.

— Около сорока тысяч долларов в год, — ответил Макс.

— Я буду платить вам сто тысяч, — предложил Генри, — если вы отправитесь со мной и станете моим гримером.

— Что это значит? — удивился Макс.

— Сейчас расскажу, — пообещал Генри. И рассказал.

Макс стал вторым человеком, которому Генри открыл свою тайну. Первым был Джон Уинстон. А когда Генри показал Макс, как он может читать карты, Макс рот открыл от изумления.

— Господи Боже! — воскликнул он. — Вы могли бы нажать себе целое состояние!

— Уже нажил, — сказал ему Генри. — Десять состояний даже. Но я хочу сделать еще десять.

Он рассказал Макс, про сиротские дома. С помощью Джона Уинстона он уже учредил три приюта, а другие на подходе.

Макс был невзрачным смуглым евреем, сумевшим сбежать из Вены перед тем, как туда вошли нацисты. Он никогда не был женат. Его ничто не связывало. И он пришел в дикий восторг.

— Рехнуться можно! — закричал он. — Ничего безумнее за всю свою жизнь не слышал! Я с вами навсегда! Вперед!

С тех пор Макс Энгельман везде сопровождал Генри. При нем всегда находился саквояж с париками, накладными бородами, бакенбардами, усами и прочими гримерными приспособлениями, которых мы с вами никогда не видели. Он превращал своего шефа в одного из тридцати или сорока неузнаваемых человек, и администраторы казино, которые все теперь знали про Генри и выслеживали его, никогда больше не видели его в облике мистера Генри Шугара. Кстати, всего лишь год спустя после происшествия в Лас-Вегасе Генри и Макс вернулись в этот опасный город, и теплой звездной ночью Генри выиграл целых восемьдесят тысяч долларов в одном из тех крупных казино, где побывал в прошлый раз. Он пришел туда в обличье пожилого бразильского дипломата, и они так и не поняли, что с ними произошло.

Теперь, коль скоро Генри перестал появляться в казино под своим именем, надлежало, разумеется, позаботиться о множестве мелочей, включая фальшивые удостоверения и паспорта. В Монте-Карло, например, гостя просят сначала показать паспорт и лишь потом пускают в заведение. С помощью Макса Генри еще одиннадцать раз побывал в Монте-Карло, всякий раз с другим паспортом и в ином обличье.

Максу очень нравилась эта работа. Он обожал создавать новые обличья Генри.

— У меня для вас сегодня нечто свеженькое! — к примеру, объявляет он. — Подождите, сейчас покажу! Сегодня вы будете арабским шейхом из Кувейта!

— А арабский паспорт у нас есть? — спрашивает Генри.

— У нас все есть, — отвечает Макс. — Джон Уинстон прислал мне чудесный паспорт на имя его королевского высочества шейха Абу Бин-Бея!

Так оно и шло. С годами Макс и Генри сблизились, как братья. Они стали братьями по оружию, двумя крестоносцами, которые стремительно проносятся по небесам, вытягивают деньги из всех казино мира и переводят их Джону Уинстону в Швейцарию, где компания под названием "Орфанаж С.А." становится все богаче и богаче.

Генри умер в прошлом году в возрасте шестидесяти трех лет. Его работа завершена. Он посвятил ей двадцать лет своей жизни.

В его личном справочнике перечислено триста семьдесят одно казино в двадцати одной стране. Он бывал во всех этих заведениях множество раз и ни разу не проиграл.

Согласно бухгалтерским книгам Джона Уинстона, он выиграл в общей сложности сто сорок четыре миллиона фунтов стерлингов.

Он учредил двадцать один хорошо обустроенный сиротский дом. Они рассеяны по всему свету, по одному в каждой стране, в которой он бывал. Все приюты финансируются из Лозанны, ими управляют Джон Уинстон и его служащие.

Но каким образом мне (ведь я не Макс Энгельман и не Джон Уинстон) удалось узнать обо всех этих событиях? И вообще, почему я пишу этот рассказ?

Сейчас расскажу.

Вскоре после смерти Генри Джон Уинстон позвонил мне из Швейцарии. Он представился главой компании, именующей себя "Орфанаж С.А.", и спросил, не могу ли я прибыть в Лозанну и встретиться с ним с целью написания краткой истории их организации. Не знаю, откуда он обо мне узнал. Наверное, перед ним лежал список писателей, и он просто ткнул в него наугад. Он пообещал хорошо заплатить. И еще добавил:

— Недавно умер выдающийся человек. Его звали Генри Шугар. Думаю, люди должны узнать о его трудах.

Я впервые слышал это имя, поэтому спросил, представляет ли его история интерес, стоит ли тратить на нее бумагу.

— Ладно, — ответил человек, контролировавший сто сорок миллионов фунтов стерлингов. — Забудьте, Попрошу кого-нибудь еще. Писателей полно.

Это меня задело.

— Нет, — остановил его я. — Подождите. Скажите хотя бы, кто такой был этот Генри Шугар и что он такого сделал? Я никогда даже не слышал о нем.

За пять минут по телефону Джон Уинстон посвятил меня в некоторые подробности тайной деятельности Генри Шугара. Секрета в ней больше не было: Генри мертв и никогда больше не будет играть. Я слушал, как зачарованный.

— Прилечу первым же рейсом, — пообещал я.

— Спасибо, — сказал Джон Уинстон. — Буду весьма признателен.

В Лозанне я познакомился с Джоном Уинстоном, которому теперь было чуть больше семидесяти, и с Максом Энгельманом, примерно того же возраста. Оба до сих пор не могли оправиться после смерти Генри. Макс переживал даже сильнее, чем Джон, ведь Макс неотлучно находился при Генри более тринадцати лет.

— Я любил его, — с помрачневшим лицом произнес Макс. — Это был великий человек. Никогда не думал о себе. Не взял ни пенни из выигранных денег, кроме тех, что тратил на дорогу и питание.

Послушайте, однажды мы были в Биаррице. Он только что перевел Джону полмиллиона франков. Время было обеденное. Мы зашли в кафе и заказали по омлету и бутылку вина, а когда принесли счет, то у Генри не оказалось при себе денег, чтобы расплатиться. У меня тоже. Славный был человек.

Джон Уинстон рассказал мне все, что знал. Показал мне ту самую синюю тетрадку, которую заполнил в 1934 году в Бомбее доктор Джон Картрайт, и я дословно переписал ее.

— Генри всегда носил ее с собой, — сказал Джон Уинстон. — В конце концов, он выучил текст наизусть.

Он показал мне бухгалтерские книги фирмы "Орфанаж С.А." с суммами выигрышей Генри, регистрировавшимися день за днем в течение двадцати лет. Они произвели на меня ошеломляющее впечатление.

— В вашей истории есть большой пробел, мистер Уинстон, — заметил я, выслушав его до конца. — Вы почти ничего не рассказали о путешествиях Генри и его приключениях в казино всего мира.

— Об этом пусть Макс расскажет, — сказал Джон Уинстон. — Макс все про это знает, потому что везде сопровождал его. Но он хочет сам попробовать писать. Он уже начал.

— Тогда почему бы Максиму не написать всю историю? — удивился я.

— Не хочет он, — ответил Джон Уинстон. — Ему хочется писать только про Генри и Макса. Повесть получилась бы изумительная, если бы он успел ее закончить. Но он уже старый, как, впрочем, и я, поэтому, боюсь, ему это не удастся.

— Последний вопрос, — сказал я. — Вы продолжаете называть его Генри Шугар. Однако вы говорили, что в действительности его звали по-другому. Разве вы не хотите, чтобы в рассказе я назвал его настоящее имя?

— Нет, — покачал головой Джон Уинстон. — Мы с Максом дали слово никогда этого не делать. Скорее всего, оно всплывет на поверхность рано или поздно. Как-никак он принадлежит к достаточно известному английскому роду. Но я буду вам признателен, если вы не станете выяснять настоящее имя. Называйте его просто мистер Генри Шугар.

И я выполнил его просьбу.